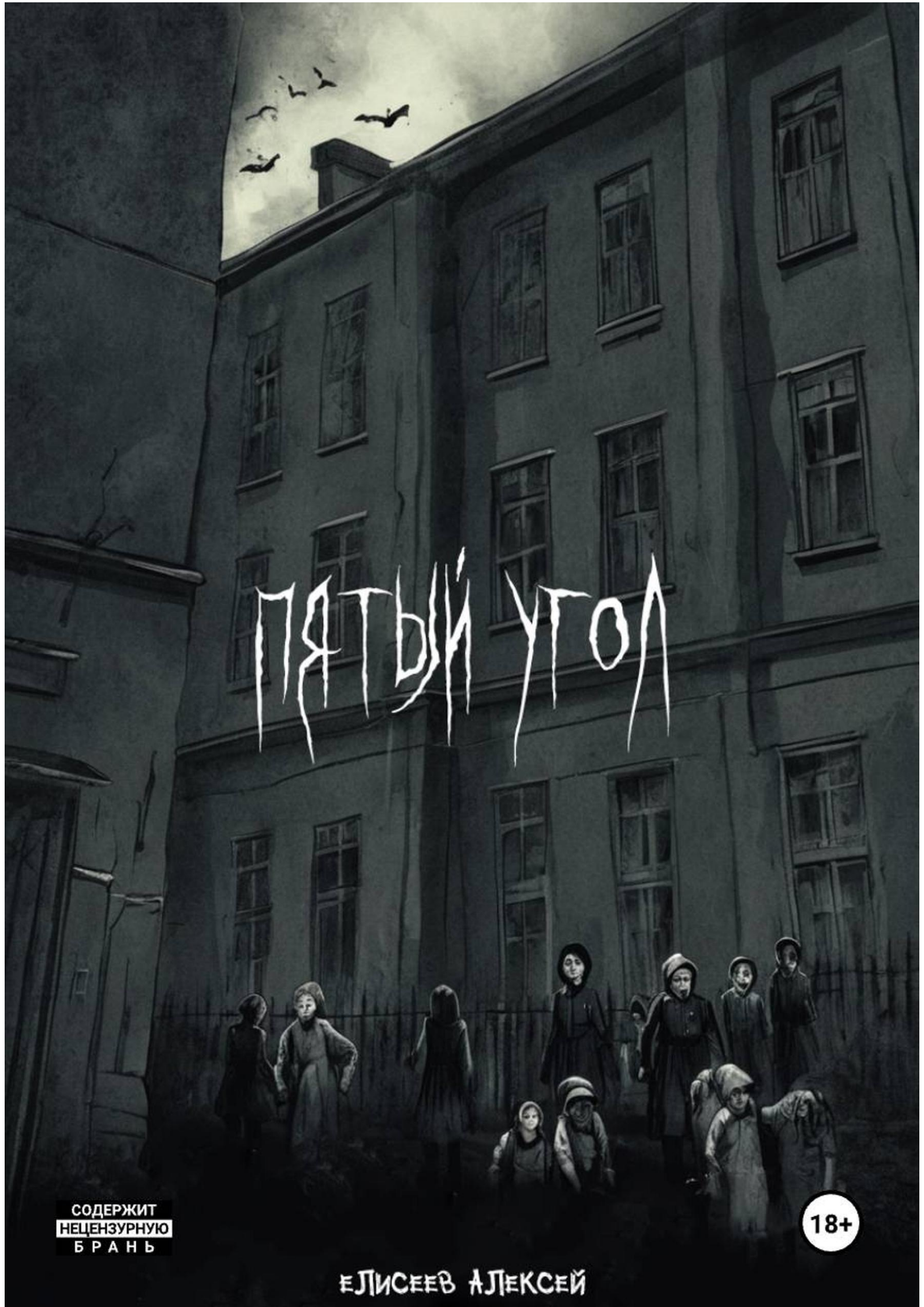

ПЯТЫЙ УГОЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЕЛИСЕЕВ АЛЕКСЕЙ

Алексей Елисеев

Пятый угол

«Автор»

2026

Елисеев А.

Пятый угол / А. Елисеев — «Автор», 2026

«Пятый угол» — это психологический ужас о детях, которые видят одно и то же. О взрослом, который им не верит, пока не увидит сам. И о земле, которая помнит всё — даже то, что от неё скрывали полвека.

© Елисеев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексей Елисеев

Пятый угол

Глава 1

Половина седьмого утра.

Звон будильника разлетелся по квартире громко. Анна вытянула руку с кровати и не глядя нащарила кнопку выключения и нажала. Тишина вернулась в эту уютную квартиру, только на кухне было слышно как гудит старый холодильник, а через стену бубнёт соседского радио.

Сентябрьский рассвет неохотно пробивался сквозь шторы. В такое утро обычно хочется оставаться под одеялом, но Анна не могла себе позволить такого уже несколько лет. Дисциплина — то, чему отец всегда приучал Анну. Даже если всё рассыпится, она всегда будет держать её на плаву.

Она села на кровать, потянулась и ногами попыталась нащупать тапочки, когда глаза ещё были зажмурены. Накинув тапки, Анна неторопливо прошлёпала на кухню. Квартирка у неё была не большая, стандартная Хрущевка, но уютная и ухоженная. Хозяйка не любила беспорядки, и каждая вещь в квартире знала своё место. Книги по психологии на полках, в алфавитном порядке. Папки с записями на столе. Чашка на блюде, никаких следов от кружек на мебели. А столовые принадлежности обязательно лежали строго ручками вниз. Обычно таких называли занудами, но Анна для себя это называла необходимостью. Ведь когда внешний мир упорядочен, внутренний всегда хочет ему соответствовать.

Она зажгла плиту и хотела поставить чайник, но в нём бултыхалось полкружки воды. Она повернула кран, набрала чайник и отправила его разогреваться. А сама направилась к холодильнику. Достала из него масло и вчерашний хлеб, который она купила в продуктовом у дома. И пока чайник закипал, она приступила к утреннему ритуалу, к разминки тела. У подоконника она начала делать медленные наклоны, махи руками, приседания, чтобы немного разогнать кровь. Тело слушалось неохотно, после сна тело каменело, но Анна всегда понимала, что через пять минут ей будет намного легче.

Окно выходило на Московский проспект. Воронеж медленно просыпался, люди спешили на работы, первые трамваи уже гремели по рельсам, а тёплый но уже осенний воздух медленно заполнял квартиру Анны, после того, как она открыла форточку. Анна пила чай и пристально наблюдала за происходящим в окне, ей нравилось это время, между сном и работой, когда ещё ничего не случилось. Никаких пациентов, диагнозов и чужих болей. Только она, утренний чай и любимый город за окном.

Выпив чай, она ополоснула кружку и поставила её на место. Анна направилась в ванную комнату. Но ванной у неё как таковой не было, она сделала ремонт у себя несколько лет назад, и решила отказаться от ванной, потому что от неё не было ни какого смысла. Анна высокая женщина почти метр семьдесят пять, а ванная которая у неё была всего полтора метра, и она решила полностью отказаться от неё. А её родной брат аккуратно обложил всё плиткой и сделал ей прекрасный душ. Она открыла воду в раковине и умылась холодной водой. Горячей воды не было уже с начала сентября, плановые отключения. Почистила зубы и решила рассмотреть себя в зеркале, ещё один ритуал, который любят женщины. Из зеркала на неё смотрела женщина, которой можно дать по—разному, с одной стороны она выглядела очень молодо тридцать три, может даже тридцать, но стоило посмотреть в глаза и на волосы, становилось ясно, что больше тридцати пяти. Глаза уставшие, они всё и выдавали, в их глубине в самом уголке, засела тень, которую она не могла скрыть ни сном, ни дисциплиной. Волосы, собранные в хвост, светлые

и тонкие, местами проявляли седину, которую Анна из раза в раз закрашивала. Высокий лоб, тонкие губы, спокойное и безмятежное выражение лица.

Она одевалась всегда быстро, по военному. Черная юбка, однотонный бардовый свитер. Белый халат она сложила в свою сумку. Никакой косметики и украшений, кроме наручных часов, которые подарила ей мама по окончании медицинского института. Анна никогда не пыталась выглядеть привлекательно, чтобы пациенты ей больше доверяли.

В прихожей она накинула пальто, взяла свою женскую коричневую сумку, где лежал уже халат, и портфель, в котором были все необходимые документы для работы. Она иногда брала на дом справки, больничные листы, книжки пациентов чтобы пристально изучать диагнозы и наблюдение пациентов, а так же для того, чтобы заполнить то, что не успела сама на работе.

Взгляд Анны упал на фотографию, которая стояла на комодке уже несколько лет, рамка стояла так что лица на снимке не было видно, только небольшой кусочек чей то улыбки. Анна поправила рамку и развернула её дальше к стене. Она вышла и заперла дверь на два оборота.

На улице была приятная погода, но ветер был уже совсем не летний, поэтому Анна приподняла свой воротник и направилась по тротуару в сторону работы. Ей нравилось ходить пешком, а больше нравилось что эти пятнадцать минут она проводит наедине с собой. Без трамваем и автобусов, где есть много людей.

Булочная которая находилась на углу, уже была открыта, и возле неё уже скопилась небольшая живая очередь. Мужчины в восьмиуголках, женщины в платках, старушка с авоськой. Анна аккуратно пробежала взглядом по лицам в очереди. Это была стандартная привычка психологов, сканировать и оценивать. Невыспавшиеся, недовольные, озабоченные, обычные люди в обычное утро.

Подойдя к пункту назначения, больнице, она достала термос с чаем который она всегда берет с собой, допила остатки чая и вошла внутрь. Анна тоже встала в очередь. Она быстро продвинулась. Она купила полбуханки черного и направилась сразу же дальше. Хлеб был теплым, а запах был таким что хотелось остановиться и отломить корочку прямо на улице, но Анна не могла себе этого позволить.

В приёмном отделении как обычно пахло хлоркой и лекарствами. Медсестра на посту, устало кивнула Анне.

— Доброе утро, Анна Дмитриевна.

— Доброе, Зинаида Павловна.

Анна направилась дальше по коридору в сторону лестниц, и поднялась на свой второй этаж, в отделение психиатрии. Она открыла дверь в свой кабинет. Тут всё было на месте. Стол, два стула, кушетка, шкаф с папками, тумбочка и доска с детскими рисунками, которые Анна время от времени меняла. Вчера она повесила солнце с квадратными лучами и дом без окон и фигуру с длинными руками.

Повесив пальто, она села за стол и раскрыла журнал записи. Первый приём через двадцать минут. Мальчик, семь лет, страдает от бессонницы и ночными страхами.

Начался обычный день. Анна перечитала предварительную запись, оставила себе пометки на полях и немного откинулась на спинку стула.

Но она ещё не знала, что день окажется вовсе не обычным.

Стук в дверь. Дверь приоткрылась.

— Здравствуйте, можно? — сказала приятная женщина, выглянувшая из небольшой щели приоткрытой двери.

— Да, проходите, — поспешила ответить Анна. — Здравствуйте!

В кабинет вошла женщина с мальчиком. Мальчуган был совсем худой, светленький с большими серыми глазами, как у его матери, но смотрели они куда то в пол. Анна попросила его присесть на стул, а маму на кушетку, пока она проводит осмотр. Но мальчик отказался

и прижался к матери, у которой все признаки на лице указывали на её усталость. Мама не растерялась и подтолкнула аккуратно его к столу.

— Сережа, садись пожалуйста. Тётя доктор. Она нам поможет.

Анна про себя отметила, что мать тоже не отдыхает, такое часто бывает, что родители детей с ночными страхами выглядят хуже самих детей. В замкнутом пространстве страх заразителен.

— Здравствуй Сережа, — сказала осторожно Анна, не делая резких движений, — Меня зовут Анна Дмитриевна. Я не доктор, я просто тётя в белом халате, которая разговаривает с детьми. Ты не хочешь сесть?

Мальчик недоверчиво помотал головой. Мама вздохнула и открыла рот чтобы попытаться что то произнести но Анна жестом её остановила. Она понимала, что когда ребенок напуган мама тут точно не поможет. Мать в данной ситуации, это дополнительный стресс, потому что ребенок чувствует её тревогу.

— Хорошо, если тебе там комфортней, стой, — сказала Анна — Хочешь я встану тоже? Так будет честно.

Анна встала из за стола, и оперлась о край, скрестив руки на груди. Мальчик поднял глаза. Это то что и нужно было ей в данный момент, этого достаточно.

— Как давно ты не спишь? — спросила она

Мальчик лениво пожал плечами.

— Он просыпается каждую ночь и кричит, уже около месяца, — вмешалась мать, — сначала думали переутомился, школа, новая четверть. Но он сам говорит что видит кого то в комнате. Говорит из угла на него кто то стоит и смотрит. Мы всё перепробовали, и свет оставляли на ночь и дверь открытой, спали вместе и даже валерьянку давали - ничего не помогало.

Анна внимательно выслушала, не перебивая. Диагноз уже начал складываться у неё в голове. Стандартный случай, ночные страхи. Но что то её насторожило. Не сами симптомы, не состояние Сережи и мамы, а то, как мать его описывает. Слишком детально, будто она сама страдает от таких ночных страхов, или настолько погрузилась что начала сама начала верить в то что видит сын. Это плохой знак. Когда родители сами начинают верить в галлюцинации ребенка, шансы на выздоровление сильно падают.

— Сережа,— Анна присела на корточки, чтобы оказаться на уровне его роста, — Тот кто стоит в углу, он что-нибудь тебе говорит?

Мальчик поднял глаза, и Анна увидела то, от чего у неё самой пробежала дрожь по телу и заставило её замереть. Это не стандартный страх, который она уже видела сотни раз. Ни тот страх который бывает у детей боящихся темноты или монстров под кроватью. В Серёжиных глазах стоял взрослый, осмысленный, и рациональный ужас. Обычно так смотрят люди, которые видели реально ужасное или страшное, и теперь пытаются убедить себя что это лишь иллюзия и им показалось.

— Он молчит, — тихо сказал Сережа — Он просто стоит. Но он меня зовет, не голосом, а как будто, вот, внутри. - показывая жестом на грудь.

Анна почувствовала холодок который у неё самой пробежал по спине. Немного промедлив взглядом, она быстро подавила в себе это ощущение силой воли. Открыв блокнот, начала записывать : "Слуховые галлюцинации без вербального характера. Пациент ощущает не вербальный призыв". Медицинские термины успокаивали. Они превращал жуткое в реальное и понятное. А все что понятное - лечимое.

Дальше Анна, ещё задавала несколько вопросов. О снах. Школе. Как у них отношение с сверстниками и родителями. Сережа отвечал односложно, но его настороженность постепенно уходила. В конце приёма он даже согласился сесть рядом с Анной. Мать смотрела на это с надеждой.

— Я назначу вам легкое седативное, — начала перечислять Анна, выписывая рецепт, — И я хочу видеть вас через неделю. Но главное, пожалуйста, ни при каких условиях не показываете ему, что вы тоже боитесь. Дети, она как антенны, очень легко считывают, всё что мы думаем или что скрываем. Если вы будете спокойны, ему будет намного легче.

Мама, очень трепетно закивала. Сережа молча слез со стула и своей маленькой рукой, схватил мамину ладонь. Когда они вышли, Анна закрыла дверь и села за стол дописывать заметки. Отложила ручку и несколько секунд сидела, неподвижно уставившись в стол.

Но осадок внутри Анны остался. Внутри пробегали слова мальчика: "Он завет. Не голосом. А как будто внутри". Она покачала головой и произнесла шепотом: "Глупости". Обычный ночной страх ребенка. Они часто бывают у детей, у них бывают причудливые описания. Никакой мистики.

До обеда, Анна ещё успела принять трёх пациентов. Девочка, у которой появилось заикание после перехода в новую школу. Агрессивный мальчик, который дрался с одноклассниками без причины. Подросток с внутренней подавленностью. Замкнутый и очень молчаливый. Отвечал на вопросы только жестами и кивками. С ним было очень тяжело, Анна потратила на него около сорока минут вместо положенных двадцати и все равно было ощущение, что не пробилась, сквозь его закрытость.

Когда приёмы закончились, она вышла в коридор и направилась в столовую чтобы немного подкрепиться. В очереди она встретилась с Верой, коллегой из соседнего кабинета. Вера была постарше Анны, лет на десять. Полная женщина, шумная, с копной рыжих волос на голове, которые она ни когда не могла привести в порядок и вечно заправляла их за уши. Они работали вместе около пяти лет и иногда обедали вместе, обсуждая пациентов и жизнь в больнице.

— Ну рассказывай, как твой утренний? — спросила Вера, взяв в руки поднос с борщом.

— Который? — Анна взяла такой же поднос, что и Вера.

— Сережка. Мамаша которого накрутила до полусмерти.

— Мамаша может и накрутила, — Анна села за свободный столик — Но ты видела взгляд Сережи? Совсем не детский. Я таких взглядов не видела очень давно.

Вера хмыкнула, размешивая борщ со сметаной.

— Мне кажется ты слишком глубоко копаешь. Ночные страхи, они и в Африке ночные страхи. Пропиши ему снотворное, забудет про них через месяц.

— Может — Анна не стала дальше спорить — А может и нет, посмотри на следующей неделе.

— Они кушали молча. После Вера вдруг отложила ложку и начала говорить другим тоном:

— Новости слышала? Из райцентра Острогожска пришёл запрос. Ищут терапевта для интерната. Поговаривают, у детей что то массовое. Такие же страхи как у твоего Сережки, галлюцинации и бессонницы. У всех. Местные уже не знают что делать.

Анна немного прищурилась, и медленно опустила ложку.

— Что значит "У всех"

— Да то и значит. Там интернат небольшой. Человек тридцать, может сорок. И почти у всех детей то же самое. Видят кого то. Говорят, что он "стоит и смотрит"

Анна почувствовала, как внутри что то дрогнуло. Ведь она только утром мальчик, был с точно таким же диагнозом.

— И почему ни кто не едет? Или никто не хочет? — Спросила она

— А могу хочется? — Вера пожала плечами — Там же глушь, сто километров от города, дорог толком нет, условия никакие. Да и случай странный, я точно не поехала бы

В зале столовой было очень шумно. Но Анна на мгновение перестала это всё слышать. В её голове что то закрутилось. Это мгновение для неё было очень долгим, у неё в голове было

очень много мыслей. Они бегали. И в итоге пришли к одному, ей профессионально интересно, что там происходит. В её практике такого не было, массовая истерия в замкнутом детском коллективе? Это был бы отличный её врачебный опыт и одновременно вызов.

— Что за интернат? — Спросила она у Веры.

Вера посмотрела на неё с непониманием.

— Ты что хочешь поехать?

— Да нет, просто спрашиваю

— Ну райцентр Острогожский, название я не помню точно. Заведующий будет раздавать направления завтра у него поинтересуйся.

До конца обеда Анна почти ничего не ела. Она была в раздумьях, а когда мысли были слишком громкими она привычно себе приказывала успокоиться и замолчать. Пока не время.

Но где то в глубине, внутри, она уже понимала, что туда поедет именно она.

До конца рабочего дня Анна мысленно возвращалась к утреннему мальчику. Серёжа. Семь лет. Светлые волосы, серые глаза и этот его шёпот в конце: «Он зовёт. Как будто внутри». Что-то в этом было неправильное, какая-то трещинка, в которую проваливался весь её врачебный опыт. Она даже поймала себя на том, что в перерыве между пациентами открыла справочник по детским неврозам и пробежалась по симптоматике. Ничего нового. Всё как всегда. Но легче не стало.

Вечером, когда она уже складывала бумаги в портфель, в дверь заглянула Вера. Без стука, как обычно. Вера вообще была женщиной без тормозов — в хорошем смысле. Зашла, оперлась плечом о косяк и выложила то, о чём они уже немного говорили за обедом:

— Короче, я узнала подробности. Интернат в райцентре, сто двадцать километров отсюда. Сорок два ребёнка. У двадцати — ночные страхи. Одинаковые. Представляешь? Двадцать детей видят одно и то же.

— Врёт кто-то, — сказала Анна машинально. — Дети любят приукрашивать.

— В том-то и дело, что нет. Я специально уточнила. Воспитатели сначала думали, пересказывают друг другу. Ан нет. Те, кто в разных группах и вообще не общаются, описывают одно и то же. Фигура в углу. Стоит и смотрит. Молчит, но зовёт.

Вера поёжилась, хотя в кабинете было тепло. Анна молча закрыла портфель, застегнула пряжку. Она уже знала, что поедет. И не потому, что хотела кому-то что-то доказать. А потому что это был шанс. Шанс разобраться в том, что не давало ей покоя уже три года. Шанс, который она однажды упустила.

— Я завтра поговорю с заведующим, — сказала она ровно. — Если направление ещё не занято.

Вера посмотрела на неё внимательно, но комментировать не стала. За пять лет совместной работы она научилась понимать, когда Анну лучше не отговаривать. Просто кивнула и вышла.

Анна осталась одна. За окном темнело. Фонари на больничном дворе зажглись, и их жёлтый свет размазался по мокрому асфальту. Она постояла немного, глядя на этот свет, потом накинула пальто и вышла из кабинета.

На улице ветер усилился. Осень в Воронеже — это всегда ветер, сколько Анна себя помнила. Она подняла воротник, поправила портфель и пошла к остановке. Сегодня она не хотела идти пешком. Хотелось домой. Хотелось тишины. Хотелось не думать о мальчике, который видит то, чего не видят взрослые.

Но дома мысли не отпустили. Она заварила чай, села с кружкой в кресло и открыла блокнот. Стала записывать то, что знала: «Массовые ночные страхи, замкнутый коллектив, совпадающие описания, отсутствие явного лидера-индуктора». Потом дописала внизу: «Серёжа. Семь лет. Смотрит в угол. Говорит — зовёт». И обвела последние слова в рамку.

Она долго смотрела на эту рамку. А потом захлопнула блокнот и выключила свет.

Утром, даже не дожидаясь начала приёма, она постучала в дверь заведующего. Тот сидел за столом, перебирал какие-то бумаги и, увидев Анну, жестом пригласил войти.

— Я по поводу интерната, — сказала она с порога. — Если направление ещё открыто, я готова ехать.

Заведующий поднял брови. Он явно ожидал, что придёт кто-то другой. Вера, например. Или молодой интерн, который хватается за любую возможность. Но не Анна, у которой своих пациентов — на месяц вперёд. Он помолчал, потом спросил:

— Уверены? Условия там, прямо скажем, не санаторные. Дороги разбиты. Снабжение скудное. И случай, говорят, тяжёлый. Местные не справляются.

— Уверена.

Он ещё немного помолчал, но кивнул. Анна не в первый раз его удивляла, и он привык, что с ней спорить бессмысленно. Полез в стол, достал бланк направления, черкнул пару строк и протянул ей.

— Держите. Выезд завтра. Автобус в семь утра с Юго-западного автовокзала. Там вас встретят.

Анна взяла бланк, пробежала глазами. Интернат номер четыре. Райцентр. Сто двадцать километров. Завтра в семь.

Она сложила бумагу пополам, убрала в портфель и вышла, не сказав больше ни слова. Ей не нужны были напутствия. Ей нужно было собраться. И понять, что она скажет своим пациентам. И ещё — что она скажет себе, когда сядет в автобус и будет смотреть в окно на поля, улетающие назад.

Глава 2

Она лежала в темноте уставившись в потолок. Слушала, как за стеной гудит её старый холодильник, и обычно этот звук её успокаивал. Звук был ровный, банальный, но сегодня он больше раздражал её. Она ворочалась, перекидывалась с боку на бок, на спину. Никак. Вроде улеглась, глаза закрыла — бесполезно. Мысли крутились и крутились, заезженная пластинка, ей-богу. Ночь перед отъездом была для Анны тяжёлой. Она почти не спала.

Анна думала. Верно ли она поступает? Пациентов своих — на недели вперёд. И каждый случай тяжёлый по-своему. Вера могла бы поехать, та вообще говорила, что ей не привыкать. Она всё равно говорила, что ей не привыкать кататься по командировкам. Вера не раз была в интернатах и имеет уже понимание, как там работать. Но Анна вызвалась сама и сама пошла к заведующему и взяла направление, но зачем?

Встала, прошлёпала на кухню, налила воды из чайника. Глотнула — тёплая, невкусная. Допила без удовольствия и обратно в кровать. Когда она укладывалась, вспомнила, вчерашний разговор с Верой в столовой. Та говорила — массовые страхи, дети видят одно и то же. Анна тогда только отмахнулась, сделала вид что ей неинтересно. А теперь, в темноте своей квартиры, она этот разговор прокручивала. Снова и снова. Такого в её практике не было. Да наверное и ни у кого не было.

Она долго опять пыталась найти место, чтобы улечься. В итоге легла на спину, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. За окном уже медленно светлело, рассвет был серым, неохотным, сентябрьским. Она опять открыла глаза посмотрела на время. Пять часов. Анна вернулась в старое положение и решила представить этот интернат. Старое здание, она вспоминает из слов Веры, построенное на месте чего то другого. А на месте чего? Она не уточнила. И теперь этот вопрос повис у неё в голове, и казался очень важным. Что было там раньше? Почему дети видят одно и то же, и почему ни кто из местных не хочет туда ехать?

В глубине души она знала — почему. Пыталась отбросить. Не выходило. Тот случай, трёхлетней давности. Она себе его не простила. А интернат — что? Искупление? Попытка? Или просто побег от себя. Она и сама не разобралась ещё.

Под утро, когда до будильника оставался какой-то час, она всё-таки уснула. Сон был рванный, поверхностный. Какие-то обрывки, звуки, образы. Тёмный коридор. Длинный. В конце кто-то стоял. Высокий. И неподвижный. И в этом сне она всё понимала, она знала что ей нужно подойти к этой размытой фигуре. Но ноги её не слушались. А та фигура, что была в конце коридора, просто стояла и ждала. Анна наконец сделала шаг вперед и в ту же секунду будильник зазвенел и вырвал её из сна.

Было ощущение что она и не спала вовсе, голова была тяжелая и в глазах был туман. Анна умылась ледяной водой. Горячую воду так и не включили. Далее она почистила зубы и долго смотрела на себя в зеркало. Лицо было уставшее с темными кругами под глазами. Она вздохнула и собрала волосы в хвост и направилась делать завтрак.

Чай. Хлеб с маслом. Обычный завтрак. Ела без вкуса, мысли были уже в дороге. Автобус в семь утра, Юго-Западный автовокзал. До Острогожска часа три, не меньше. Она решила проверить сумку, всё ли на месте. Документы, блокнот, ручка, сменное бельё, халат, кошелек. Сумка была укомплектована в дорогу. Она надела часы, накинула пальто, схватила портфель и направилась к выходу.

Автовокзал встретил шумом. Бензин. Резина. Горячие пирожки из ларьков. Сырые сигареты. Людей — толпа. Где-то очереди, где-то наоборот пусто. У газетного киоска двое спорили, а какая то женщина громко звала своего ребенка, который судя по всему потерялся. Анна глазами пробежалась по платформам, обозначила место и направилась за билетом.

Зашла в здание вокзала. Людей не меньше чем снаружи. Встала в очередь, полезла в сумку за документами — для командировочного билета. И тут он подошёл. Анна подняла глаза. Высокий. Худой. Тёмное пальто болтается как на вешалке. Плечи обвисли, воротник был помят. Физиономия у него была бледная, с ввалившимися щеками и красными глазами. Обычно такие глаза бывают у людей, которые не спали несколько суток или только что закончили ночную смену. От него пахло табаком и чем-то кислым, и этот запах достиг её раньше, чем он подошёл к ней.

— Простите? — он подошёл почти вплотную. Голос тихий, но неприятный, липкий. — Который час, не подскажете?

Анна глянула на часы.

— Без пяти семь, — отрезала.

Мужчина, получив ответ, не ушёл. Он стоял и смотрел на неё, чуть склонив голову набок. Взгляд у него был странный не безумный, не агрессивный, а какой то изучающий. Будто он видел Анну не первый раз.

— Я вас знаю, — сказал он вдруг. — Вы лечили моего сына.

Анна удивилась. Через её кабинет прошли сотни детей за эти годы, и она давно привыкла, что родители запоминают её лучше, чем она их. Но этого мужчину она точно никогда не видела. Она бы запомнила такое лицо.

— Возможно, — ответила она осторожно. — А как ваша фамилия, может я вспомню?

Он замялся и проигнорировал вопрос. Чуть подался вперёд и спросил:

— А вы сейчас куда едете, если не секрет?

Холодок пробежал по её спине. Вопрос был безобидным, но в его интонации что-то заставило её напрячься. Будто с этим человеком что то не так. Вроде бы не угроза, угрозы она не чувствовала. Но ощущение дискомфорта было почти физическим.

— В Острогожск. По работе. — ответила она.

Мужчина прикрыл рот ладонями и начал смеяться. Сначала тихо, потом всё громче. Он запрокинул голову и захлопал в ладоши, как будто аплодировал артисту на сцене. Люди вокруг начали оборачиваться. Анна отшатнулась, не понимая, что происходит.

— Острогожск! — выкрикнул он сквозь смех. — Хороший город! Очень хороший! Вам понравится. Очень понравится.

Безумец направлялся спиной к выходу и смотрел на Анну, продолжая смеяться. Но резко поменялся в лице, улыбка исчезла, лицо стало унылым, руки опустились. Он посмотрел на неё долгим пустым взглядом, от которого у неё побежали мурашки по коже. После он развернулся и затерялся в толпе, как будто его и не было. Прервала наблюдение кассирша, которая спросила направление у Анны. А та молча протянула документы. В ответ она быстро получила билет и свои документы.

— Женщина, побыстрее, автобус через пару минут уже отправляется, — поторопила кассирша Анну.

Анна выскочила из здания вокзала и услышала с платформы, с которой отправлялся её автобус.

— Острогожск! П посадка заканчивается! — громко кричала билетерша.

Зайдя в автобус Анна увидела, что людей не так много, и выбрала себе место. Она уселась. Автобус тронулся с вокзала точно по расписанию, в семь утра. Анна сидела у окна, положив голову к холодному стеклу и наблюдала, как город за окном постепенно сменяется на пригород, а после и вовсе на серые сентябрьские равнины. Дома сменились заборами, а заборы сменились голыми полями, и вскоре за окном не осталось ничего, кроме чёрной пашни, перелесков и низкого осеннего неба.

В салоне было полупусто. Пара бабушек с мешками о чём-то негромко переговаривались на заднем сиденье. Мужик в телогрейке, севший на остановке у рынка, сразу заснул и

теперь тихо похрапывал, уткнувшись лицом в воротник. Молодая женщина с ребёнком на руках сидела через проход. Ребёнок хныкал. Она его укачивала и что-то тихо напевала. Анна пробежалась по ним взглядом и отвернулась к окну.

Человек с вокзала так и не вылезал у неё из головы. Он всё ещё стоял у неё перед глазами. Она вспоминала его смех, хлопки в ладоши и странный надменный взгляд. Глаза были пустые, но при этом смотрел он цепко, как будто он видел её насквозь. «Вам понравиться....». Что это за чушь? Что понравиться? Город? Интернат? Она мысленно отругала себя за то, что позволила какому то городскому сумасшедшему забить ей голову. У неё накануне работа и много дел. И нет времени на глупые страхи.

Анна достала из портфеля блокнот и взглядом пробежалась по заметкам. Интернат номер четыре, сорок два воспитанника, жалобы на ночные страхи и бессонницу, описания фигуры в углу. Она вспомнила слова Веры, что местный терапевт не справляется. Получается случай действительно сложный. Анна начала набрасывать план работы. Начало с общего осмотра, беседы с воспитателями, а после индивидуальные приёмы. Она любила начинать с системы. Система её успокаивала и давала уверенность. Когда есть план, ты контролируешь ситуацию. А когда контролируешь ситуацию, ничто не может помешать тебе закончить работу.

За окном тянулись бесконечные поля и лесополосы. В Воронежской области конец сентября всегда был серым, а небо висит низко, будто давит на плечи. И иногда кажется, что солнце ушло далеко за горизонт и больше не вернется. Голые деревья вдоль трассы стояли, как черные скелеты. Изредка, вдалеке мелькали небольшие деревни, по несколько домов с покосившимися заборами. Анна наблюдала за пейзажами и думала о том, как люди живущие здесь привыкли к тишине. Тишина, которая не успокаивает, а давит.

Она утонула в своих мыслях и практически задремала, но в это время автобус наехал на яму и подпрыгнул. Анна вздрогнула и огляделась, поправила свой портфель и заодно проверила всё ли на месте. А после опять уставилась в окно. До конечной оставалось ещё около часа.

Анна провалилась в сон, даже не заметила, как она задремала. Он был коротким, но глубоким. Самих снов она не видела, просто провалилась в темноту. А когда она открыла глаза, автобус уже подъезжал к Острогожску. За окном был обычный маленький городок. Невысокие дома, облупленные фасады и пустые улицы. Только на остановке стояла одинокая фигура. Это был мужчина в темном пальто. Он поднял руку и автобус остановился. Это была конечная.

Анна вышла из автобуса. Воздух тут был другим. Холодным и влажным с примесью дыма и того, что она ещё сама не могла распознать. И только после того как она сделала несколько шагов, поняла, что пахло углём. Такой запах обычно доносился от старых котельных, от подвалов или домов, которые отапливаются печами. Ей этот запах был родным с детства.

Мужчина в темном пальто подошел к ней быстро и протянул руку. Он был не высокого роста. Из за того что он был без головного убора, виднелись залысины. А глаза бегали, будто он что то потерял. Руку пожал резко, сухо и сразу отдернул.

— Анна Дмитриевна? Я директор интерната. Николай Петрович. Добро пожаловать к нам в Острогожск.

— Здравствуйте, — ответила Анна, отметив про себя, что он не смотрит ей в глаза. Его взгляд всё время убегал куда-то в сторону. То на автобус, то на дорогу, то на собственные ботинки. Нервничает или боится. Или и то и другое.

— Машины у нас, к сожалению, тут нет, — продолжал он, переминаясь с ноги на ногу. — Интернат на другом конце города. Но тут идти минут двадцать, если напрямик.

— Я люблю ходить пешком, не переживайте.

Они направились по улице. Оглядываясь по сторонам, Анна поймала себя на мысли, что райцентр выглядит так, как и сотни таких же городов по всей нашей стране. Двухэтажки и трёхэтажки покрашенные в оранжевый, с потрескавшейся краской, сменившей оттенок на более тёмный. Лужи на асфальте. Пустые витрины с выцветшими плакатами. А у продовольствен-

ного магазина стояла очередь. Женщины, старуха с авоськой и мужчины в восьмиуголках. Всё как и везде. Люди из очереди проводили Анну долгими и тяжелыми взглядами. Она внутри почувствовала эти взгляды спиной.

Николай Петрович говорил без умолку. Жаловался на финансирование, на нехватку кадров, на то, что дети впечатлительные. И ещё уточнил что впечатлительные они стали из-за этой новой истории. Анна перебила его:

— Что за история?

Он замолк. Потёр лоб, подышал в кулак и ответил, не глядя на неё:

— Да так. Ничего конкретного. Старое здание, вот и мерещится всякое. Сами понимаете.

Анна ничего не сказала, но мысленно прокрутила, что директор, что-то скрывает. И это, что-то явно связано со зданием. Она сама ещё не понимала, что именно, но профессиональное чутьё у неё включилось.

Пройдя ещё сто метров, они свернули за угол, и интернат вырос перед ней очень неожиданно. Большое трёхэтажное здание, окруженное голыми тополями. Окна были большими и грязными. Вокруг железный забор, а за ним пустой двор с покосившимися скамейками и ржавыми турниками. На крыльце их встречали дети. Мальчик и девочка лет девяти. Они не играли и не бегали, а просто стояли и наблюдали за Анной и директором, которые идут к ним. В их глазах не было детского любопытства, они были будто взрослыми и тяжелыми, что Анна сразу отметила для себя. Может, это был страх, подумала она, но тут же отогнала эту мысль.

Они зашли в здание, их встретил большой вестибюль с лестницами по обе стороны. Николай Петрович поздоровался с детьми которые шли мимо и обозначил что им с Анной нужно на второй этаж. Ступени поскрипывали под ногами, звук гулко разносился по зданию, как в колодце. Запах был чуть отличим от больницы. Но чем выше они поднимались, тем сильнее запах смешивался с ещё одним. Это слабый, еле уловимый запах старых книг и сухой извести. У Анны проскользнули мысли, что такой запах обычно там, где редко проветривают, но часто моют полы.

Второй этаж был с длинным коридором, с очень высокими потолками и рядом дверей с каждой стороны. Крашенные стены были местами в трещинах, в них проглядывалась старая более темная краска. Пол устилал линолеум в серую клетку, местами протёртый до дыр. Шаги Анны отдавались от стен легким эхом. В конце коридора, хлопнула дверь, послышался детский смех и тут же затих. Было ощущение что его кто специально остановил. Анна обратила внимание, что директор, идущий немного впереди, старается не смотреть по сторонам, он явно чувствовал себя неуютно в этом коридоре.

Проходя мимо одной из дверей, им встретилась воспитательница. Это была женщина лет пятидесяти, полноватая, но не сильно, в сером халате и с пучком темных волос на затылке. В руках у неё была стопка постельного белья. Увидев директора с незнакомой гостьей, она остановилась и поправила очки

— А, Николай Петрович, — сказала она, переводя взгляд на Анну. — А это, стало быть, терапевт из Воронежа? Нам звонили, предупредили. Я Галина Степановна, старшая воспитательница. Можно просто Галина.

Галина улыбнулась открыто, но устало. Анна сразу заметила, что эта женщина не боится смотреть в глаза, в отличие от их директора. Так же отметила что у воспитательницы очень доброе лицо. То лицо, которое располагает к себе с первого взгляда.

— Очень приятно, — сказала Анна. — Анна Дмитриевна.

— Вы, наверное, с дороги устали. А Николай Петрович вас, небось, уже по всему интернату протащил, всё показал. — Она бросила короткий взгляд на директора, и в этом взгляде Анна прочитала что-то среднее между упрёком и снисхождением. — Вы, Анна Дмитриевна, если что понадобится, сразу ко мне обращайтесь. Я здесь двенадцать лет, знаю каждую щель. И детей всех знаю. Они хорошие, вы не думайте. Просто напуганы очень.

— Я как раз хотела поговорить с вами, — сказала Анна. — О детях. О том, что здесь происходит.

Галина Степановна кивнула и попросила подождать буквально пару минут. Ей нужно было отнести спальное белье в подсобку. Когда она скрылась за одной из дверей, Николай Петрович переступил с ноги на ногу и посмотрел на часы. Он взглянул на Анну и сказал ей что у него ещё дела по части администрации. Анна не стала его задерживать, ведь она уже поняла что в целом он не сможет ей помочь. А если и поможет то точно не по части детей и сложившейся ситуации, не то что Галина Степановна.

Вернувшись обратно, примерно через минуту, воспитательница, вытирала руки о халат и предложила Анне пройти в комнату отдыха персонала. Комната была небольшая, но уютная, с диваном, креслом, столом и электрической плитой, на которой стоял чайник. На стене весела очень старая фотография. На ней был интернат в день открытия. Дети с цветами, серьезные лица учителей, а на фоне стены интерната. Галина Степановна включила плиту и проверила воду в чайнике, достала кружки и банку с заваркой.

— Вы спрашивайте, Анна Дмитриевна, — сказала она, усаживаясь на стул. — Я скрывать ничего не буду. Мне самой важно, чтобы вы помогли. Мы тут уже с ног сбились.

Анна приступила к вопросам, которые давно у неё крутились в голове. Она спрашивала не спеша. Она не хотела давить на человека, который, кажется, единственный здесь, кто готов вести открытый диалог и не скрывать ничего от неё. Галина Степановна рассказала все что знает, но пока поверхностно. Дети в интернате в основном из неблагополучных семей. Есть конечно и сироты. Возраст у всех разный, от семи до четырнадцати лет. У них был стандартный распорядок дня. Занятия, прогулки, тихий час, отбой в десять вечера. В целом до последнего времени все было как обычно и спокойно. Но примерно месяц назад начались непонятные странности.

— Сначала один мальчик, Никита, пожаловался, что ночью в углу кто-то стоит, — рассказывала Галина Степановна, помешивая чай. — Мы подумали — кошмар. С кем не бывает. Успокоили, свет оставили. Потом ещё двое. Потом ещё. А неделю назад Леночка Смирнова, девочка из третьей спальни, перестала разговаривать. Просто проснулась утром и молчит. И до сих пор ни слова. Врачи смотрели — говорят, физически здорова. А она молчит и только в угол смотрит.

Анна, что то помечала себе в блокнот, но больше старалась слушать. Она задала ещё несколько вопросов. Ей было интересно как дети ведут себя днем, как кушают, как общаются и контактируют между собой. Воспитательница рассказывала в подробностях, и постепенно перед Анной начала вырисовываться картина. Это была не обычная массовая истерия или массовый страх. В обычных случаях всегда есть индуктор, тот, кто первый начинает рассказывать страшную историю или случай, а остальные начинают подхватывать и верить в неё вместе. Но здесь не было индуктора и дети из разных групп, которые не так часто пересекаются, описывают одно и то же. Как будто они вместе видели что-то реальное.

— А вы сами когда-нибудь замечали что-то необычное? — спросила Анна.

Галина Степановна помолчала. Её рука с ложкой замерла над кружкой. Она опустила взгляд, и Анна поняла, что попала в точку.

— Не знаю, можно ли это считать, — сказала воспитательница медленно. — Но однажды, когда я дежурила ночью, я шла по коридору и услышала, как в одной из спален дети разговаривают. Я хотела зайти, успокоить, но остановилась у двери. Они говорили не между собой. Они говорили с кем-то ещё. С кем-то, кто им отвечал из угла.

— И вы не вошли?

— Не смогла, — сказала Галина Степановна и подняла на Анну глаза. — Мне стало так страшно, что я просто отошла. До сих пор стыдно.

Анна ничего не ответила. Она сделала ещё пометку в блокноте и закрыла его.

— Завтра я хочу начать индивидуальные беседы с детьми, — сказала она. — И ещё. Вы не могли бы принести мне рисунки детей? Любые, какие есть. Чем больше, тем лучше.

Галина Степановна кивнула. Анна поблагодарила её за чай и откровенный разговор. Встала и вышла из комнаты отдыха. Оставшись одна в коридоре, она на мгновение остановилась, прислушиваясь. В здании было очень тихо, только где то на первом этаже мерно тикали настенные часы.

Вечером, после того как интернат затих, в окнах потух свет, а дети улеглись спать. Анна сидела в своей комнате за столом и перебирала заметки. В блокноте было написано несколько фамилий, на которых указала Галина Степановна. Она думала с кем из детей начать работать. Она продумывала план контакта с детьми. Если они не пойдут на контакт нужно по другому выстраивать мосты. Рисунки. Игра. Просто присутствие. Иногда детям, пережившие травму, нужно чтобы кто то чтобы просто сидел с ними рядом. Не задавая вопросов. Анна умела это делать.

Глава 3

Анна проснулась от тишины, после первой ночи в интернате. Такой тишины никогда не бывает в городе. Обычно в Воронеже за окном всегда что-то шумит: трамваи, машины и соседи за стеной. А тут была гробовая тишь, только где-то внизу на первом этаже, монотонно тикали большие настенные часы. И даже часы не нарушали тишину, а делала её ещё гуще и тяжелее. Анна села на кровати и спустила ноги. Ступнями она ощутила ледяной холод, который пробежал по всему телу. Голова была тяжелая, в глазах ещё стоял туман рваного сна, осевшего у неё в памяти обрывками.

Длинный коридор второго этажа интерната. Темный, без окон и дверей. Только серые стены и пол, уходящие куда-то в зловещую темноту. Анна шла, хотя ноги вообще не слушались. Она увидела во тьме кого-то, кто ждал её. Он стоял и не двигался. Анна не могла разглядеть лица, только силуэт. Высокий, размытый, как помехи на экране старого телевизора.

Она взялась руками за своё лицо, потерла виски пальцами и медленно помотала головой. Это просто сон. Хватит. Усталость, чужая обстановка и гнетущая атмосфера. А вчера был тяжелый день, дорога и новые знакомства. Сегодня новый день, рабочий. Она должна быть в форме целый день.

Медленно потянувшись и размяв шею, Анна направилась к окну. За окном был всё тот же конец сентября. Голые ветки тополей, осеннее небо. На дворе стояли старые облезлые скамейки, турник, а ветер гонял по выцветшей траве старую листву. И ни души. Только у крыльца сидел мальчик, тот самый, которого она видела вчера, на том же самом месте. Он обхватил колени руками и смотрел куда-то вдаль, за забор, за деревья, будто там было что-то очень важное. Анна недолго постояла и понаблюдала за ним. Ей хотелось выйти и сесть рядом с ним. Поговорить и спросить напрямую, что же он там видит. Но она решила это сделать позже, сегодня нужно двигаться по расписанию.

Одевалась она быстро. Поверх накинула вязаный свитер под горло и белый халат, на низ черная строгая юбка. Стандартная униформа. Анна проверила карманы халата, чтобы не забыть блокнот с ручкой. Всё на месте. Она подошла к двери, открыла её и вышла в тот самый коридор.

Второй этаж был точно таким же, что и вчера, тишина, запах хлорки и с примесью старой извести. Дневные лампы вдоль коридора были выключены и несмотря на утренний свет, в полумраке стены казались очень серыми и вязкими. Анна проходила вдоль закрытых дверей спален. За одной было слышно тихое бормотание, ощущение что воспитательница кого-то отчитывала. За другой было тихо и только скрип кровати и чьи-то легкие шаги издавали звук. Анна спустилась медленно на первый этаж. Часть детей уже завтракала, как раз у неё было время на то, чтобы осмотреться.

Каждую комнату она внимательно осматривала. Классная комната, там где проходили уроки. Стояли парты, висела доска и мелом на ней было написано расписание уроков. В углу стоял большой, старый глобус с протертым до дыр экватором. А рядом находилась небольшая библиотека, в которой было несколько небольших стеллажей с книгами. На полках стояли разные книги. Там была и русская классика, учебники и детские книги с цветными обложками. Внутри Анна почувствовала знакомый запах. Тот самый, который стоял и в её университетской библиотеке, где она готовилась к сдаче экзаменов много лет назад. Его нельзя было ни с чем спутать. Запах старой бумаги, пыли и немного древесины.

Направившись дальше по коридору, она увидела большую дверь. Это был актовый зал. Зал был не слишком огромный, но вместительный. Несколько рядов стульев, у стены старое пианино. Видно что к нему давно никто не прикасался, слой пыли был слишком большой. Анна

провела пальцем по клавишам, оставив за собой серую полосу. Она вытерла палец о халат и направилась дальше осматривать интернат.

После завтрака столовая опустела. Начинался обычный день, дети разбрелись по занятиям, а самых младших забрали воспитатели. Анна закончила пить чай и решила сходить в комнату отдыха для персонала, чтобы поговорить с Галиной Степановной. По прибытию, Галина Степановна уже была там. Сидела за столом и перебирала какие-то бумаги. Она увидела Анну, подняла голову и улыбнулась, но улыбка была уставшей. И с этой улыбкой было что-то не так, будто воспитательница хотела показать радость, но сил на неё уже не осталось. Анна достала блокнот и села напротив и без долгих предисловий перешла к делу. Вернувшись к лестнице, она решила заглянуть в столовую, где завтракали дети. Длинные столы, на которых стояли тарелки с кашей и кружки с чаем. Дети сидели группами, кто-то болтал, кто-то просто сидел уставившись в одну точку. За одним из столов, отдельно, сидели двое, мальчик и девочка. Те самые которых вчера встретила Анна на крыльце здания. Они между собой не разговаривали, не смеялись и не смотрели по сторонам. Просто ели кашу, медленно и уставши, будто выполняли скучную работу. Анна поздоровалась с поварами, взяла кружку чая и села за соседний стол, наблюдая за ними краем глаза. Первый контакт с травмированными детьми нельзя было форсировать, она это понимала слишком хорошо. Сначала дети должны привыкнуть к Анне, к её присутствию, чтобы она не воспринималась им как чужая. Она не спеша пила чай, не чувствуя его вкуса и думала о том, что сегодня нужно было сделать. План был уже сформирован, только нужно было правильно расставить приоритеты. Для начала нужно было собрать больше информации по детям, не напрямую у них, а поговорить с Галиной Степановной ещё раз, но уже предметно. Посмотреть рисунки ребят и начать вести записи по каждому из детей, кто обращался с жалобами. Она хотела найти того мальчика, Никиту. Который первый увидел фигуру в углу комнаты.

— Галина Степановна, я хотела попросить вас. Вы не могли бы принести мне рисунки детей за последние недели? Особенно тех, кто жалуется на страхи. Это важно для начала работы.

Воспитательница кивнула и встала, поправив халат.

— Конечно, Анна Дмитриевна. У меня целая папка собрана. Я специально откладывала, когда узнала что вы приедете. Сейчас принесу.

Галина Степановна покинула комнату, а Анна оставалась сидеть наблюдая за обстановкой в комнате отдыха. Даже в приглушенном свете, видно как пыль ещё витала в воздухе, которую подняла своим уходом Галина. Анна встала и немного прошлась по комнате обдумывая детали, того что она увидела в столовой. После её взгляд медленно упал на фотографию, которую она уже видела, но не придавала сильного значения ей. День открытия интерната, дети с цветами и учителя с серьезными лицами. Но все были светлые и радостные. Совсем не похожие на тех, кого она видела сегодня в столовой. Анна вглядывалась в каждое лицо ребенка и пыталась понять, что же изменилось за последнее время. Что даже дети перестали смеяться и радоваться.

Галина Степановна вернулась через несколько минут и в руках уже была пухлая картонная папка, перетянутая старой бельевой резинкой. Она аккуратно положила её на стол, а сама направилась обратно на своё место.

— Вот, собирала с последнего месяца. Там и карандаши, и краски. Я не стала сортировать, все подряд сложила. Вы уж сами посмотрите, вам виднее, что к чему.

Так как, Анне нужно было всё изучить досконально и как можно быстрее. Она сразу же принялась за дело. Она сняла резинку и раскрыла папку. Стопка рисунков была весомой, но безобразно разложена. Запах графита и дешевой акварелью ударил Анне в нос. Она начала перебирать рисунки, раскладывая их на столе. Первые листы с рисунками ни чем не отличались от обычных детских работ. Обычные домики с треугольными крышами и трубой из которой валил дым, а углу листа солнце с лучами во все стороны. Деревья с пышной зеленью наверху и

темно-коричневыми стволами внизу, на одном из которых сидела птица, которая больше походила на букву "М". Далее машина с квадратными колесами, девочка с огромным синим бантом и собака с непропорционально большой головой. Обычные рисунки, с обычными детскими сюжетами. Цвета на рисунках тоже не выдавали никакого странного тона. Всё как обычно, у здоровых детей.

Анна начала немного ускоряться, и перекладывая лист за листом, взгляд бегло проскальзывал по рисункам, выхватывая основные детали. И вдруг она замерла. Взгляд застыл, глаза Анны округлились. На следующем рисунке было что-то другое, не то что она видела до этого. Лист был закрашен почти целиком в темно-серые тона, густым и плотным цветом, будто ребенок пытался заштриховать всё пространство листа. А в самом низу, у края, виднелась небольшая фигура. Человек с круглой голова и палочками вместо рук, он стоял, задрал голову куда то вверх, а над ним свисало что-то черное, бесформенное, похожее на суету. Края этого силуэта были неровные, а по середине были две точки. Которые, на взгляд Анны изображали глаза. Внутри, что-то перевернулось, холодок пробежал по спине и она отложила рисунок в сторону и потянулась за следующим.

На следующем рисунке было почти то же самое, криво нарисованная спальная комната, кровати, окно, а в углу, заштрихованная черным, стояла фигура. Но уже вытянутая с очень длинными руками, свисающими почти до самого нарисованного пола. А на кровати лежал маленький, закутанный в одеяло человечек с огромными глазами. Так ребенок наверное хотел нарисовать себя. Но на лице у нарисованного ребенка было застывшее выражение ужаса. Анна даже на мгновение задержала дыхание и резко перебросила взгляд на Галину Степановну.

— Кто это рисовал?

Воспитательница наклонилась, всмотрелась в рисунок и вздохнула.

— Это Никита. Тот самый, о котором я вчера говорила. Он первый начал жаловаться. Ему семь лет, он у нас недавно, всего полгода. Сначала был обычным мальчишкой, шумным, непоседливым. А месяц назад, как будто подменили. Стал тихим, замкнутым, перестал играть с другими детьми. А потом начал рисовать вот это.

Анна решила ещё раз взглянуть на рисунок, но более детально. Черная фигура в углу, длинные руки, глаза-точки, которые смотрели прямо на неё сквозь рисунок. Она решила отложить этот рисунок, потому что внутри становилось как-то не спокойно. Анна взяла следующий лист, следом ещё один, а потом и ещё один. В каждой работе, где был изображена спальня, почти везде была она - та самая фигура. Фигура всегда была разная, где то без рук, где то едва нарисована, но глаза и расположение силуэта всегда было в одном и том же месте. В углу.

Разложив все рисунки с силуэтом по столу, она решила просто посмотреть на них. Сердце билось монотонно, но внутри появилось странное чувство, которому она пока не могла дать объяснение. Она абстрагировалась от рисунков и начала понимать, что уже не первый раз она видит подобные рисунки. Запуганные, пережившие насилие, с шизофренией дети часто рисовали свои галлюцинации и обидчиков, но здесь рисунки были одинаковыми у разных детей, из разных групп, которые редко пересекались. Это не укладывалось в голове Анны.

Анна опять подняла глаза на Галину Степановну.

— Вы говорили, что Никита был первым. А остальные? Они тоже рисуют это?

— Да, почти все, кто жалуется на страхи. У них рисунки разные, сюжеты разные, но в каждом, где нарисована спальня, есть эта фигура. Воспитатели сначала не придавали значения, думали, баловство. А потом, когда Леночка замолчала, мы уже поняли, что это серьезно.

— Можно мне увидеть Лёну? Сегодня, после обеда. Я хочу с ней поговорить. Вернее, попробовать.

Галина Степановна кивнула и поджала губы.

— Да, конечно, только она вообще не разговаривает. Уже неделю. Даже врачи смотрели, говорят физически она в порядке. А она молчит. Сидит, уставившись в одну точку. Она иногда

рисует, но на её рисунках всё та же фигура. Только ближе, гораздо ближе, чем у остальных. Как будто она уже не в углу, а прямо перед ней.

Замолчала и опустила глаза. Анна не стала её больше расспрашивать. Сложила рисунки обратно в папку, но несколько штук отложила отдельно. Те, где фигура была прорисована отчётливее.

— Я заберу эти, хорошо? Мне нужно изучить их подробнее.

— Конечно, Анна Дмитриевна, всё что нужно. Лишь бы помогло.

Галина Степановна встала и направилась к двери, но на пороге задержалась и обернулась. Было видно, что она хочет что-то добавить.

— Вы знаете, я ведь двенадцать лет здесь работаю. Я тут всякое видела. Дети бывают разные, с разными судьбами, с разными травмами, с разными страхами. Но такого, как сейчас, никогда не было. Понимаете, они не просто боятся, они понимают и знают, что оно там, в углу. Они в этом уверены. И я уже, честно, не знаю, что им говорить.

Закончив, Галина Степановна вышла из комнаты отдыха. В помещении стало тихо, только чайник тихо гудел на электрической плите. Анна подняла один из отложенных рисунков и подняла его на уровне глаз. Опять эта странная фигура, с длинными руками и двумя глазами. Она вглядывалась в рисунок и пыталась понять, что же именно в этом изображении заставляет так сильно биться сердце. Может сама атмосфера? Или эти глаза-точки? Она крутила рисунок и потом поняла. Силуэт был не страшным, он был реальным, слишком реальным для детского воображения.

Дальше, Анна решила пересмотреть даты рисунков. Она начала быстро перебирать стопки с детскими произведениями, все цветные и нормальные рисунки были сделаны месяц назад, темные, с фигурой, неделю назад или две.

Откинувшись на спинку стула, Анна немного задумалась, это был важный момент. Она сопоставила все события, факты, рисунки и сделала вывод, что месяц ранее все было хорошо, дети рисовали обычные картинки, никто не жаловался на плохое состояние. Но, то что происходит сейчас, поменяло их. Рисунки стали пугающие, дети закрылись, некоторые вообще перестали разговаривать. А эта фигура в углу, явно не проделка какого-то из ребенка или взрослого. Что же случилось в этом интернате месяц назад?

Собрав все рисунки обратно в папку, Анна взяла блокнот и составила несколько пунктов на чистом листе. Массовость. Случаи не уникальны, но жалобы поступают от разных детей, из разных групп. Единообразие. Фигура на рисунках всегда в одном и том же месте. В углу. И всегда имеет одни и те же черты. Длинные руки, глаза точки и расплывчатое очертание. Прогрессия. У Лены, фигура уже не в углу, а рядом, очень близко к ребенку. Анна обвела последние слова и поставила большой вопросительный знак.

Мысли о Леночке ей не давали спокойно думать до самого вечера. Анна много раз ещё перебирала отложенные ею рисунки, сравнивала их между собой и дополняла свои заметки в блокноте. Когда она возвращалась в блокнот чтобы всё перечитать, внутри что то сжималось. Она вспоминает, что за свою карьеру она видела сотни детских страхов, но этот вовсе не был похож на предыдущие. Этот страх не был подконтрольным, он не уходил после разговоров, он не исчезал на рассвете, а только прогрессировал и рос.

День шёл к концу, за окном уже давно потемнело, Анна почти весь остаток дня просидела в комнате для персонала, записывая мысли и наблюдения в свой блокнот. А когда наступила ночь, она отправилась в спальню, которую выделили для неё.

На следующий день Анна попросила Галину Степановну привести к ней Никиту. Она уже ждала в комнате для персонала, когда Галина привела маленького Никитку. Мальчик пришёл очень тихий, робкий и молчаливый. Он сел на краешек стула так, будто был готов в любую секунду сбежать из этой комнаты. Анна, как профессионал, не стала задавать в лоб вопросы про фигуру, угол, кого они видят и давно у них это началось. Она достала карандаш и бумагу и

предложила Никите порисовать вместе. Мальчик рисовал молча, очень низко склонив голову над рисунком. На листе появилась всё та же картина. Спальная комната, кровать, ребенок в ней и фигура в углу. Анна долго смотрела, как он выводит длинные неестественно изогнутые руки и понимала, что этот рисунок вовсе не фантазия, это свидетельство, которое запечатлела его память.

— Ты знаешь, кто это? — всё-таки спросила она, когда мальчик отложил карандаш.

Никита покачал головой и тихо, почти шёпотом, ответил, что он не знает, но этот «дядя» приходит каждую ночь. Стоит и смотрит. А иногда делает шаг вперёд.

— Шаг? — переспросила Анна, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Один, — пояснил мальчик. — За ночь. Раньше просто стоял. Теперь подходит. Медленно. Очень.

Анна записала это в блокнот почти автоматически, но смысл сказанного догнал её позже, что фигура уже не была статичной, а она двигалась.

Вечером, когда она сидела в своей комнате и разбирала записи, в дверь постучали. На пороге стояла одна из воспитательниц, которую Анна видела мельком в первый день. Она мялась, оглядывалась по сторонам и, понизив голос, сказала, что Анне лучше уехать.

— Почему?

Женщина долго мялась, но поджав губы ответила, что здесь "не совсем хорошо". Дети болеют не просто так, а прежний психотерапевт, которого присылали до Анны, уехал практически на следующий день, отказавшись писать заключение. Анна удивилась и решила расспросить её более подробно, но воспитательница вдруг отшатнулась и быстро покинула дверной проём, почти убежала, оставив Анну в полной тишине.

Ночь Анна мучилась оттого, что не могла уснуть. Она лежала в темноте, слушая, как за окном гуляет ветер и вдруг она услышала за дверью тихие, шаркающие шаги. Будто кто-то медленно прошёл мимо её комнаты. Она замерла и прислушалась, но звук больше никакого не было. За окном так же гудел ветер, но голые ветки тополей зашумели ещё сильнее. В интернате опять настала пронизывающая, плотная тишина, которая и разбудила Анну в первое утро.

Утром, когда Анна проснулась. В её голове пришло решение, которое зрело у неё уже не сколько дней. Она больше не будет ждать, и поговорить с Леночкой, даже если та ей не ответит. Так же, она понимала что нужно разобраться с историей этого здания и ещё раз поговорить с Николай Петровичем. Потому что одно она поняла точно, то что видят дети и то что она сама начала чувствовать по прибытию в это место, не имеет ни какого медицинского объяснения. И искать ответы придется не в детях, а в других вещах. Возможно, даже глубже чем она думает.

Глава 4

Осенний утренний холод, который просачивался сквозь старые рамы и оседал на подоконнике инеем, заставил Анну ещё немного понежиться в кровати, укутавшись в одеяло. Конец сентября, это время, когда мир больше уже не может притворяться целостным. Ночами уже здесь хозяйничает ноябрь, ветер начинает звучать иначе, издавая звуки, напоминающие скрежет, который проходит по жести карнизов. Но утром, когда небо чистое и солнце может подняться достаточно высоко, сентябрь вспоминает что он ещё летний месяц, который глубоко состарился. В эти последние дни сентября, в воздухе стоит запах прелых яблок и горький дым жжённых веток, соединяясь с холодной осенней прохладой.

Анна опять не выспалась, голова была тяжелой, а общее состояние было, будто вот-вот заболеешь. В комнате стоял тот самый запах из коридора, к которому Анна уже начинала привыкать. Но к нему сегодня добавились новые ноты, запах сырой земли и угля. Но она не придала этому особого значения. Потому что понимала, что это запах котельной в подвале, которую осень топят вовсю. Стоило ли придавать значение тому, что объяснялось проще простого.

Окончательно пробудившись, Анна встала и натянула на себя побыстрее свитер, пытаясь не прикасаться оголенным телом с холодным воздухом. Она подошла к столу, где лежал открытый блокнот, оставленный ею после последних записей. Ей нужно было быстро войти в рабочий ритм, поэтому она сразу принялась за анализ вчерашних записей. Анна взяла его и бегло перечитала последние записи.

Сегодня день встречал её иначе, не серыми, грубыми облаками, а теплым солнцем, которое пробивалось сквозь шторы. Анна подошла к окну и отдернула шторы. Свет ослепил её ненадолго. Солнце ещё припекало, как будто оно ещё летнее. Анна смотрела на прилегающую территорию и увидела, что некоторые дети вышли порадоваться, как и она, приятному дню. Но мальчика на крыльце не было, и она машинально отметила это и не стала задерживаться. Времени на наблюдение и ласканием под солнцем уже не было. Она надела оставшуюся одежду, проверила карманы и вышла в коридор.

В столовой пахло кашей и сладким чаем. Сегодня было громче обычного, ложки стучали о тарелки, шарканье ног по плитке, а часть детей, что-то активно обсуждали. Воспитательницы так же тихо перешептывались за своим столом. Анна осмотрела зал и нашла Галину Степановну, которая стояла у раздаточного окна и что-то записывала в свою тетрадку.

— Галина Степановна, доброе утро. Я сегодня хочу поговорить с Леной, как можно раньше. Вы не могли бы привести её ко мне?

Воспитательница подняла голову и посмотрела на Анну долгим взглядом. В её глазах мелькнуло беспокойство. Она поправила очки и ответила не сразу:

— Конечно, Анна Дмитриевна. Только она в последние дни совсем плохая. Почти не встаёт, лежит в кровати и ни с кем не говорит. Даже со мной. Я попробую её привести, но обещать ничего не могу.

— Попробуйте. Это важно.

Галина Степановна кивнула и направилась по своим делам, а Анна продолжила стоять у раздаточного стола, наблюдая за тем как повара накладывают кашу в тарелки. Она вдруг вспомнила запах университетской столовой, и немного утонула в своих воспоминаниях. Другое время было, не было никаких рисунков, детей и "дядь" в углу. Только лекции, пациенты, истории болезней и экзамены. Она тряхнула головой, чтобы вернуться обратно и взяла завтрак, чтобы подкинуть жизненного топлива.

После завтрака, Анна отправилась в комнату которую ей выделили для работы, она находилась на первом этаже рядом с библиотекой. Небольшая комнатка, с одним окном выхо-

дящим на задний двор. На столе стояла старая настольная лампа, и пару папок с детскими рисунками.

Анна понимала, что Лена вряд ли с ней будет общаться, но карандаш и бумага иногда работают намного лучше слов. Она заранее включила её до прихода ребенка. Мягкий желтый свет немного сглаживал свет этой комнаты.

Через полчаса в дверь постучала Галина Степановна с Леночкой. Девочка зашла тихо, безшумно, будто она шла на носочках и замерла пройдя от порога не больше метра. Анна сразу обратила внимание, как она изменилась, с лица сошла мягкость, оно будто вытянулось, под глазами появились темные пятна, кожа приобрела побелевший оттенок. Лена стояла и смотрела куда-то в пол, опустив свои крохотные плечи. Галина Степановна мягко коснулась ей до плеча и сказала:

— Леночка, это Анна Дмитриевна, она хочет с тобой поговорить. Посиди с ней немного, хорошо?

Девочка никак не отреагировала, но послушно шагнула в комнату и села на стул. Галина Степановна вышла и плотно закрыла дверь. В комнате повисла звенящая тишина.

Анна не спешила. Она села напротив и несколько секунд просто смотрела на Лену, позволяя ей привыкнуть. Потом взяла один из карандашей и подвинула к девочке лист бумаги.

— Лена, я Анна Дмитриевна. Я не врач, я просто разговариваю с детьми. Ты не обязана говорить, если не хочешь. Можешь просто порисовать.

Лена даже не пошевелилась. Карандаш так и остался лежать перед ней нетронутым. Анна посмотрела несколько секунд за ней, и начала сама рисовать. Самое обыкновенное, что рисуют дети. Дом, солнце, речка, бабочку, облако. Она рисовала молча и даже не поднимала глаза на ребенка, сделала вид что ей очень нравится то, что она рисует. И через некоторое время спустя Лена ожила, её тонкие пальцы потянулась к карандашу. Девочка взяла его и пододвинула лист к себе. Анна молчала, и иногда смотрела на ребенка, как она начинает выводить линии. Леночка рисовала быстро и уверенно, не так как обычно рисуют дети. Она уже понимала, как будет выглядеть законченный рисунок и совсем не фантазировала. Она воспроизводила то, что уже видела. Тот самый эпизод, что и рисовали дети до этого, спальная комната, кровати, окна, ребенок, но в этот раз все было по другому. Фигуры не было в том самом углу. Она стояла прямо перед кроватью с ребенком. Анна почувствовала как у неё подкатил ком к горлу и перестала рисовать. Карандаш застыл в её пальцах.

— Лена, — тихо сказала она. — Ты знаешь, кто это?

Девочка не ответила. Но карандаш в её руке остановился. Анна увидела, как побелели костяшки её пальцев.

— Он говорит тебе что-нибудь?

И в этот момент Лена подняла голову и посмотрела на Анну. Её глаза были совершенно пустыми — не испуганными, не больными, а какими-то выцветшими. И она сказала, почти шёпотом:

— Говорит. Говорит, что заберёт. Скоро.

Тревога и беспокойство пронзило Анну. Её глаза бегали по рисунку Лены, а после взгляд застыл на ней самой. Ребенок сидел неподвижно, склонив голову над своим рисунком. После вопросов Анны, казалось что она полностью выключилась. Карандаш выпал из её маленьких пальчиков и покатился по столу, стукнувшись о настольную лампу. Анна попробовала ещё раз достучаться до ребенка

— Лена, все хорошо? — спросила Анна, понимая, что ничего хорошего нет.

Девочка продолжала молчать и женщина решила, что на сегодня хватит, дальше не было смысла мучить ребенка и выжимать из неё слова. Даже тех, что она сейчас слышала, было уже достаточно, чтобы кровь застыла в жилах. Анна записала все слова Лены в свой блокнот, на полном автоматизме, но рука от мыслей дрогнула и строчка вышла неровной. Тихо, почти без

звука, открылась входная дверь и зашла Галина Степановна. Воспитательница глазами спросила у Анны, как прошли дела, в ответ расстроенное покачивание головой. Галина, бросила взгляд на рисунок, и Анна заметила, как она побледнела на глазах. Галина Степановна положила на плечо девочки руку и спросила шёпотом не хочет ли она пойти обратно в кровать, та аккуратно кивнула. Воспитательница взяла за руку ребенка и направилась к выходу, у двери она обернулась, хотела что то сказать, но махнула рукой и повела девочку в спальню.

Анна проводила взглядом уходящих и осталась в кабинете одна. Она взяла в руки рисунок и начала всматриваться в него. Её удивило расстояние между черным пятном с глазами и ребенком, оно стояло почти вплотную. Анна перевернула, но другая часть бумаги была абсолютно чистой. Она пыталась держаться, не нервничать и не беспокоиться, но иногда сердце набирало обороты, холод пронизывал от макушки до самых пяток, а дыхание иногда прерывалось, будто она никогда и не умела дышать. Анна судорожно выдохнула и решила выйти на улицу, освежиться, отбросить мысли и познакомиться может ещё с какими-нибудь детьми. Рисунок она отложила в отдельную папку, которую она планировала показать коллегам из своей больницы, если понадобится.

Она покинула кабинет и направилась в свою комнату, чтобы взять пальто. По пути встретила Галину Степановну, та шла задумчиво, даже не сразу поняла, что к ней подходит Анна. Галина предложила пойти в столовую и выпить немного чаю, а может даже и кофе, которое не давали детям, но для персонала могли сделать пару кружек. В столовой они были одни и повара. Воспитательница, попросила кофе и покрепче, без сахара, но забыла, что стоит спросить у Анны, может она любит с сахаром:

— Анна Дмитриевна, вам с сахаром? А то я поторопилась, привыкла пить по крепче, когда становится дурно или нервно.

— Да, пожалуйста, несколько ложек не помешало бы. — улыбнулась Анна в ответ

Им выдали кофе в окне выдачи и они уселись за крайний столик.

— Ну, расскажите, как там Лена? Так и не заговорила с вами? — спросила Галина Степановна, размешивая кофе в своей кружке ложкой.

Анна сделала резкий глоток и обожгла себе кончик языка и нервно отставила чашку в сторону. Кофе был обжигающим и горьким, совсем не таким, к которому она привыкла дома, но в нём было, что-то более настоящее, может, это местная вода, или старая почерневшая турка в которой варили его.

— Говорила. Страшные вещи говорила. Я честно ужаснулась когда услышала от ребенка напрямую эти слова. Столько лет вижу страхи и болезни, но это какой-то новый уровень, это выше всего того, что я делала.

— Так, Анна Дмитриевна, успокойтесь! — Галина Степановна протянула руку и положила ей на ладонь сверху, — Я сама была в ужасе от такого, когда это началось. Поймите, только мы можем помочь этим хрупким деткам. Да, я осознаю, что страшно и жутко, и осознаю, что мы в тупике. Но давайте работать дальше. — Она пыталась успокоить не только Анну, но и себя саму. — Так что сказала Лена?

Анна слушала Галину и внутри стало чуть-чуть светлее.

— Ребенок может сам не понимает смысл этих слов, а может и наоборот слишком их понимает. Она сказала: "Что он её скоро заберет". Девочка это произнесла так, будто это и правда произойдет, и от неё вообще ничего не зависит. — у Анны немного задрожал голос, а во рту появилась сухость.

Галина Степановна очень тяжело вздохнула и сделала глоток кофе. Анна, все-таки вернулась к кружке после того, как напиток её покусал за язык. Молчание повисло между ними. Никто не хотел его нарушать, нужно было всё уложить в своих мыслях. Им казалось, что эта пауза важно для них обоих. Но Галина Степановна, подняла глаза от кружки кофе.

— У меня у самой было двое, — сказала она наконец. — Оба сына. Один сейчас в Ленинграде, второй, я даже не знаю, где. Потерялись ещё в восьмидесятых. Я когда сюда устраивалась, надеялась, что с детьми легче будет. Что я им нужна, но так и вышло. Только вот теперь, когда с Леной это... — Галина Степановна вдруг замолчала и опустила глаза обратно в кружку. — Я уже не первый раз такое вижу Анна. Не с детьми, нет. Раньше, ещё до интерната, творилась всякая чертовщина.

Анна молчала. Она понимала, что Галина Степановна хочет сказать что-то ещё, но не решается. Что-то личное. Но Анна не пыталась её торопить и вытянуть из неё слова.

— Ладно, — сказала воспитательница, выпрямившись на стуле, — что я все о себе. Вы бы отдохнули, Анна Дмитриевна. Сходили бы на воздух. Погода сегодня хорошая, дети вон все на улице. Посмотрите на них при свете дня. Может, и вам полегчает.

— Я как раз собиралась, вы составите мне компанию?

— Простите меня, Анна Дмитриевна, но ещё столько дел сегодня, боюсь я тогда ничего не успею.

— Хорошо, — сказала Анна и встала из-за стола.

Оставив кружку на столе, Анна улыбнулась и поблагодарила Галину Степановну. Она вышла на улицу, где было тепло и солнечно, и внутри стало немножечко легче. Анна вдохнула прохладный воздух, и почувствовала, как голова прояснилась. После этого ощущения интернат казался темным и злым замком, где обитают призраки прошлого. Листья почти уже все опали, но те, что остались, горели ярко желтым и багровым в лучах осеннего солнца. Она пошла гулять по территории заведения, мимо скамеек и турника на которых веселились и игрались некоторые дети, а чуть дальше заметила небольшую группу ребят, которые собрались вокруг одной из воспитательниц. Та рассказывала им, что-то интересное и веселое, а дети смеялись и хлопали в ладоши, выпрашивая не останавливаться. Анна остановилась неподалеку, опершись на тополь, стала наблюдать. Она видела эти лица каждый день, с первого дня её приезда, но сегодня, на солнечном свете они ей казались живыми и настоящими. Обычными и почти счастливыми. Но один мальчик, который попал в поле зрения Анны, сидел чуть поодаль от всех и не веселился со всеми. Тот самый, который обычно сидит на крыльце с самого утра.

Анна медленно направилась к нему, и присела с ним рядом на скамейку. Ребенок не возражал.

— Ты чего не с остальными? — спросила она.

— Не хочу, — ответил он, не глядя на неё. — Они всё равно не понимают.

— А что тут понимать?

Мальчик долго молчал и не знал как объяснить тёте, что он хочет донести. Потом поднял с земли веточку и начал что-то чертить на влажной земле. Анна наклонилась и присмотрелась, этот рисунок был похож на то, что она видела на других.

— Ты тоже её видишь? — тихо спросила она.

Ребенок посмотрел на неё, и пожал плечами, но ничего не сказал в ответ. Анна не стала настаивать и давить. Она просто посидела с ним ещё немного и понаблюдала за его повадками. Солнце начало медленно клониться к закату, а тени деревьев становились всё длиннее, и длиннее. Анна погладила ребенка по голове и направилась обратно к интернату. День подходил к концу, и она до сих пор не понимала, что делать ей дальше. Но в голове зрела уже новая мысль. Она хотела приблизиться ко всем детям, пообщаться, почитать архивы и пообщаться с воспитательницами, чтобы узнать о их родителях, и о том откуда их привезли. Потому что симптомы не всегда могут раскрыть истинную причину болезни.

Анна почти зашла в здание, но решила обернуться. Солнце уже было за тополями, и двор заливал густой, оранжевый свет. Всё выглядело очень спокойно, просто, что она впервые за несколько дней подумала о том, что раньше же тут ничего не было, или было, но было другое прошлое, о котором никто тут не говорит. Она не знала, какое именно, но чувствовала его

кожей. И эта мысль крепко засела глубоко внутри и пока она поднималась по лестнице в свою спальню, её не покидала мысль что всё могло быть иначе, что всё, что тут происходит могло и не происходить.

День не открыл ничего нового, но новые мысли дали виток чтобы копать глубже. Анна решила покопаться в блокноте перед сном, она дописала ещё детали о мальчике, о детях во дворе, и начала ещё вести графу с Галиной Степановной. Но там не было ничего провокационного, она просто записывала, что воспитательница ей рассказывала в течении этих дней. Ночь раскинула своё полотно во всё небо, звезды, как пятнышки начали появляться одна за другой и светить ярче. А дневное тепло сменилось на прохладный сырой воздух. Анна подошла к своему окну, зашторила его и решила лечь пораньше, не засиживаясь за блокнотом до полуночи.

Глава 5

Сон не приходил. И Анна решила ещё раз посмотреть рисунки. Она накинула на оголенное тело только халат и села у стола. Достав рисунки из толстой папки, она разложила их по всему столу. И внимательно всматривалась в каждый из них, пытаясь найти зацепку, понять принцип работы страха, понять, откуда он. Она начала бурно их переключать, раскладывать в разном порядке, искала последовательность в датах, но смысл от неё ускользал. Одни и те же рисунки, разные дети, разные спальни, одна фигура и одни глаза. Она заметила, что детали наполнения рисунка имеют разный характер, Анна зацепилась за это, и ей стало важно разобратся в различии. А вдруг это и есть ключ к разгадке. Что-то менялось, что-то двигалось, только в целом она не понимала, что именно и куда это всё ведёт.

Карнизы интерната были сделаны из толстой жести, и когда ветер усиливался, они начинали гудеть издавая тот самый звук, который она впервые услышала в день приезда. Протяжный, низкий, неестественный. Он то нарастал, то стихал, будто здание дышало. Анна обернулась на гул, а в мыслях проскочило, что тем, чем она занимается сейчас, пустая трата времени. Наверное лучше лечь спать, а завтра с новыми силами, попробовать собирать новые данные. В комнате было прохладно, несмотря на то, что котельная уже активно топила, тепло уходило куда-то в щели, в старые рамы, стены, которые ещё не прогрелись до конца. Из-за того, что ноги были полностью без одежды, а тело прикрыто только халатом, Анна начинала немного дрожать и чувствовала, как её ступни заледенели. Она на цыпочках добежала до вешалки, бросила на неё халат, а сама быстрее побежала в кровать под одеяло. Укутавшись, у неё произвольно начали стучать зубы. Анна подумала, а почему бы не дойти до комнаты отдыха и не сделать себе горячего чая. Она не стала дальше разгонять мысли, а просто встала, накинула вещи, без халата, и направилась в комнату отдыха.

Выйдя в коридор, она подумала, а не заглянуть ли ей в спальни детей. Вдруг она увидит там то, что задаст её расследованию вектор. Анна аккуратно прошла по коридору, всё время стараясь прислушиваться к каждому звуку. Особая ночная тишина в этом здании делала акцент на каждый звук, делая его громче обычного. Анна опять услышала часы с первого этажа, размеренный ход разносился по лестничному пролёту и несколькими этажами.

Двери спален были закрыты, но одна дверь была немного приоткрыта, но это не насторожило Анну. Она медленно шла вдоль дверей спален, и у каждой останавливалась. Прислушиваясь, что происходит за дверями. Спальня, где была незапертая дверь, оказалась как раз той, где спал Никита, ребенок который первый начал рисовать ужасные вещи. Анна остановилась возле неё и решила посмотреть, что происходит внутри.

Она прислонилась к холодной деревянной двери и, почти не дыша, заглянула в комнату. Ночник светил тускло желтым светом, озаряя только небольшую часть комнаты. Сердце Анны застучалось где-то в висках, но она заставила себя дышать в этот момент ровно и спокойно. Она увидела, что Никита не спит. Он сидел в пижаме и смотрел в сторону, как раз где не было света, в тот самый угол, на его рисунках. Мальчик сидел неподвижно, зрачки были расширены до неестественных размеров. Выглядел он так, как будто он кого-то слушает, внимательно, не открывая своего взгляда и не задавая вопросов. Анна затаила дыхание и она решила сама посмотреть в этот угол. Там не было фигуры, силуэта или глаз, там был сгусток темноты. Как будто сам воздух в этом месте стал плотнее и увесистее. Она хотела посмотреть немного ближе, но дверь, на которую она опиралась издала скрип, который пронесся по всему коридору. Мальчик резко повернулся в сторону выхода и увидел Анну, и поднял руку в направлении угла. Он вскочил с кровати и побежал к Анне. Она растерялась и не понимала, как ей действовать. Никита схватил её своей холодной рукой и потянул на себя в спальню. От неожиданности Анна сделала шаг вперед, споткнувшись о порог.

— Вы же мне все не верите, — заговорил он быстро, глотая слова. — Вы думаете, я вам вру. Но я говорил правду. Он там, посмотрите. Оно всегда там. Когда наступает ночь, когда становится тихо, он начинает со мной говорить. А когда вы рядом, он сразу затихает и ждет. Он вас, кажется, боится. Я боюсь, заберите меня. Пожалуйста. Послушайте. Если вы увидите, он вернется. Я очень боюсь.

Анна опустила на корточки и обняла Никиту. Его била мелкая дрожь, и ладони, которыми он вцепился в неё, были ледяными, она это почувствовала даже через свитер. Она заглянула ему в глаза и сказала тихо, но твёрдо:

— Я тебе верю. И никуда я больше не уйду. Слышишь? Я здесь, и я тебя не оставлю!

Мальчик посмотрел на неё не моргая. В его зрачках отражался тусклый свет ночника, и Анне на мгновение показалось, что в этой темноте, и правда кто-то есть. Она прижала Никиту к себе и подняла его на руки.

— Пошли со мной. Сейчас попьем чаю и ляжем отдыхать. Нечего тебе здесь сидеть одному.

Она подошла к его кровати и посадила Никиту на неё. Она нашла его старые ботиночки, нацепила на мелкие ножки. Его свитер она взяла в одну руку, а Никиту за другую. И они вышли из спальни. Он жался к её боку и всё ещё дрожал, хотя в коридоре не было холодно. Пройдя пару метров, она услышала, как дети начали в той спальне переговариваться и шептаться. Они никого не видели, и явно считали Никиту странным. Анна повела ребенка в сторону комнаты отдыха, решив, что горячий чай сейчас нужен им обоим. Они зашли в комнату для персонала и Анна посадила его в одно из кресел. Свет в комнате горел всегда, дежурная лампочка под потолком. А чайник на плите был ещё немного теплым. Она включила плиту, чтобы вода дошла до закипания, ведь какой был смысл пить теплый чай. Анна заварила чай в две кружки, насыпала по две ложки сахара и протянула кружку Никите.

— Держи. Пей медленно, он ещё горячий. Не обожгись.

Никита взял кружку обеими руками и поднес к губам, сделав мелкий глоток. Постепенно его дрожь стихла, и он перестал смотреть судорожно по сторонам. Анна села рядом и помешивая свой чай, молча наблюдала за ребенком. Она понимала, что сейчас главное, дать ребенку ощущение безопасности, а все вопросы и общения могут подождать до утра.

— А можно я сегодня с вами побуду? Я не хочу обратно. — с надеждой в глазах спросил Никита.

Анна кивнула и погладила его по темным волосам на голове. Они допили чай и направились в спальню Анны. Она поправила подушку на своей кровати и уложила мальчика на ней. Никита забрался под одеяло, свернулся калачиком и почти сразу закрыл глаза. Анна посидела рядом с ним, наблюдая за его сном. Она смотрела на него и думала, что этот беззащитный, маленький человек, ещё вчера казался ей замкнутым и нелюдимым, на самом деле был до смерти напуганным ребенком. И она даже не понимала, сможет ли его защитить от того, что пряталось в углах.

Анна расположилась на кресле, накинула свой халат и не заметила, как сама провалилась в сон. Она проснулась от того, что ей стало холодно. За окном уже первые лучи рассвета стучались в комнату, рисуя на полу бледные полосы. Она посмотрела на свои часы, время было около семи. Тело затекло от неудобной позы, а шея ныла, но она себя чувствовала отдохнувшей, будто сон, хоть был и коротким, но глубоким и без раздражительных сновидений.

Никита ещё крепко спал на её кровати, свернувшись калачиком, подложив ладонь под щеку. Анна встала, тихо и осторожно, чтобы не разбудить ребенка, подошла к окну. И аккуратно отдернула шторку, за которой было ещё светлей. Во дворе было пусто, только одинокий голубь сидел на железном заборе, нахохлившись от холода. Утренний туман рассеялся, а земля была покрыта тонким слоем инея, который переливался на солнечном свете.

Глядя на просыпающийся мир за окном, Анна ещё простояла несколько минут. Она пыталась собрать ночные события воедино и решить, что с этим делать дальше. Вчерашняя ночь многое изменило, поэтому она скорее всего сможет поговорить с Никитой, не пытаясь вытянуть из него слова, а уже с опытом, прожитым вместе с ним. Она своими глазами видела этот мрачный угол с плотной черной темнотой, она видела, как Никита был будто загипнотизирован тем кто был за в углу. И что это, уже далеко не фантазия ребенка. Это что-то настоящее, пугающее, реалистичное. Самое ужасное из этой истории, Анна выделила то, что взрослые не верят детям. Не верят в то, о чем они им рассказывают, рисуют и показывают. Она поняла ещё то, что ребенок давно уже живет с этим, особенно давно для семилетнего мальчика.

Она присела на кровать с Никитой и смотрела на сладко спящего ребенка. Ей нужно было решить, что делать ей дальше. Она знала, что не может оставить мальчика одного, пока она разбирается с происходящим, ведь ей нужно и поработать с другими детьми, но и держать его рядом, при себе постоянно она не могла. Нужно было найти компромисс, и она, кажется, его нашла. Галина Степановна была тем самым человеком, которому она могла довериться.

Пока ребенок, ещё отдыхал, Анна решила взять блокнот и записать всё, что она увидела ночью, и описать состояние Никиты. Пока Анна бесконечно писала в блокноте, мальчик проснулся. Он потянулся и посмотрел на неё.

— Здравствуйте, скажите, а мы на завтрак сегодня пойдем? — сонным голосом сказал Никита.

Анна немного испугалась от неожиданности и повернулась к ребенку.

— Доброе утро, конечно пойдем! Ты сильно проголодался?

— Очень.

Анна была приятно удивлена, что ребенок захотел кушать, ведь до этого, ни Лена, ни Никита, не хотели кушать. А если ребенок проголодался, значит ему стало немного легче. Это хороший знак, подумала Анна и отметила это у себя в блокноте.

— Вставай, обувайся и одень свитер, в столовой утром прохладно. — уточнила Анна.

Она подошла к Никите, и помогла ему завязать шнурки. После они вместе за ручку, отправились в столовую.

Внутри столовой уже кипела жизнь. Повара готовили, а дети уже сидели и кушали. Поварихи ловко орудовали половниками, раскладывая кашу по тарелкам. У Анны тоже заурчало в животе, она и не заметила, как сама была голодна. Никита, всё так же держал её за руку крепко, но уже не так сильно, как ночью. Как только они подошли к раздаточному окну, к ним подскочила воспитательница, та, которая говорила Анне уезжать.

— А вот где Никита, а мы уже его потеряли! Анна Дмитриевна, вы хотя бы оповестили нас, что ребенок с вами. Мы его всё утром ищем. — без волнения и спокойно сказала воспитательница.

— Да, он всю ночь был со мной. Ребенок был очень напуган ночью и я его забрала к себе, чтобы он выспался.

— Ой, ну что вы и правда, не могли его уложить на своем месте? — с рваной улыбкой сказала воспитательница.

— Нет, не могла, ещё раз говорю, ребенок был страшно напуган. — Анна насторожилась, из-за такого разговора воспитательницы.

Воспитательница сделала странную ухмылку на своем лице, и пошла продолжать завтракать с персоналом.

Анна с ребенком выбрали место поспокойнее.

— Посиди немного, я сейчас принесу нам кушать, — сказала Анна и направилась к раздаточному окну.

Галина Степановна заметила Анну со входа и подошла к ней, чтобы поздороваться.

— Анна Дмитриевна, доброе утро. У нас ЧП. — испуганно сказала Галина.

— Доброе, Галина Степановна, что случилось? — обеспокоилась Анна.

— Пропал Никита, тот мальчик, который первый стал видеть, что-то в углу.

— Не беспокойтесь, Галина Степановна, он был со мной, всю ночь. Я его забрала к себе, он был очень напуган. Вам не о чем беспокоиться.

Воспитательница внимательно посмотрела на Анну и в её взгляде промелькнуло что-то похожее на облегчение.

— Слава Богу! Я уже думала убежал куда, спрятался, или ещё что могло случиться.

— Вон он сидит за столом, мы сейчас будем кушать, не хотите к нам присоединиться? — улыбчиво пригласила Анна.

— Конечно! С радостью позавтракаю с вами. А то эта суета с самого утра, я чуть с ног не сбилась.

— А вашим коллегам кажется всё равно? Они даже и не пытались его найти?

— Да, кажется так и есть, я одна бегала по всем этажам и искала его. Даже в подвал залезла, рыскала с фонарем по потемкам.

Галина Степановна и Анна взяли подносы и направились туда, где уже сидел Никита. Галина посмотрела на ребенка и приобняла его.

— А мы уже тебя потеряли.

— Я был с Анной Дмитриевной, она меня спасла.

— Спасла? Ого. А что произошло ночью?

— Дядя опять приходил, а она меня забрала к себе. И Дяди больше не было.

Никита резко обрезал разговор, и принялся есть. Он ел не отрываясь. Ложку за ложкой, даже не всегда успевал пережевывать.

— Никита, ты стал кушать? — приятно удивилась Галина Степановна.

Никита довольно махнул лицом и продолжил трапезничать.

— Да, он, как только проснулся сразу мне сказал, что проголодался. — ответила Анна.

— Вот это новости. Кушай зайчик, кушай.

Лицо Никиты, чуть ли не на глазах поменяло цвет, с бледного, на ярко-светлый оттенок. А глаза были довольными и выспавшимися.

— Анна Дмитриевна. Честно говоря, я и сама думала, что пора уже кому-то из взрослых вмешаться. А то мы всё ходим вокруг да около, а детям страшно.

— Да, кажется надо попробовать сегодня забрать Леночку на ночь. А вы если сможете, возьмете под контроль сегодня Никиту? Мне сегодня нужно ещё пообщаться с детьми и персоналом.

— Конечно, Анна Дмитриевна, если все дети пойдут на поправку, и мы сможем облегчить им жизнь, знайте — я только за, вы только скажите, что мне делать. — настойчиво сказала Галина Степановна.

В глазах воспитательницы появился лучик надежды. Анне было приятно, что она не одна. Что есть человек, который, пусть и не понимает до конца, но готов помочь.

— Вы ведь не уедете? Останетесь? — вдруг спросил Никита за столом у Анны.

Анна задумалась на секунду. Ей вспомнился вчерашний разговор с Галиной Степановной, её собственные сомнения и усталость, накопившаяся за эти дни. Но, глядя в глаза этому мальчику, она уже знала ответ.

— Я останусь. Пока не разберусь, что тут у вас происходит. Я тебе лично обещаю.

Никита улыбнулся. Слабо, уголками губ, но это была настоящая, живая улыбка. И Анна поняла, что это и есть та самая награда, ради которой она согласилась на эту командировку. Не научное открытие, не удачный случай для диссертации, а вот эта едва заметная, робкая улыбка, которая говорила больше любых слов.

После завтрака Галина Степановна взяла Никиту за руку и повела его в игровую комнату, где уже собрались несколько детей. Мальчик обернулся на Анну, и она ободряюще ему кивнула. Дверь закрылась, и Анна осталась в коридоре одна.

В голове у Анны кружились обрывки ночных событий, но теперь к ним примешивалась и надежда, которая появилась в глазах Галины. Анна села за стол в своей комнате и решила записать динамику изменения состояния Никиты. Что он впервые за долго время перестал выглядеть испуганным и уставшим. Активно разговаривал и шел на контакт. Начал кушать и испытывать голод. Нужно ещё дать ему порисовать, увидеть, что он будет изображать. Анна перечитала, всё то, что она написала, и внутри стало что-то отпускать. Что всё не просто так. Что её приезд, может изменить многое. Что она смогла помочь ребенку. Что она вселила надежду в воспитательницу, которая давно уже отчаялась от сложившейся ситуации вокруг.

Анна дописала что-то в блокноте и допила остывший чай, который она взяла из столовой. День разгуливался, серые облака забрали теплые лучи солнца, но дождя не было. Анна в мыслях нарисовала план дня, и собиралась до обеда навестить Лену и по возможности пообщаться с кем-нибудь из воспитателей, помимо той, что сегодня встретила их с Никитой. Но это немного позже, сейчас хотелось несколько минут тишины и просто посидеть не думая ни о чем. Она упала в кресло, и позволила себе эту маленькую слабость, прежде чем снова начать работать.

Глава 6

Анна дала себе около десяти минут, чтобы расслабиться, а после заставила себя подняться и продолжить заниматься работой. Внутри нее все еще теплился уголек надежды, зажженный улыбкой Никиты и боялась внутри его потерять. Пока огонек ещё горел, нужно было двигаться дальше, помогать детям и покончить с тем, что здесь происходит. Анна покружилась по комнате от стола до окна, заправила постель, взяла всё необходимое и направилась выполнять работу.

Анна вышла в коридор, из спален девочек доносились смех и шепоты, она улыбнулась про себя и направилась в комнату детей. Леночка, скорее всего, уже лежала в постели. Галина Степановна говорила, что в последнее время Лена совсем плохая, она не встает с кровати, очень мало ест и почти не реагирует на окружающее вокруг. Анна подошла к двери спальни и увидела, что кровать Леночки была пуста. Одеяло было откинута, а подушка смята и самой девочки нигде не было, только соседки по кроватям играли в ладушки и громко смеялись. Анна замерла на пороге и ещё раз внимательно обвела комнату взглядом. Лены не было. Она выбежала в коридор и едва не столкнулась с Галиной Степановной, которая несла стопку чистых, белых полотенец.

— Галина Степановна! Лена пропала! — сказала Анна, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Галина Степановна подошла к порогу спальни, заглянула внутрь и вдруг улыбнулась. Она кивнула и показала рукой в конец коридора, проследив за направлением её руки, Анна увидела Лену. Она сидела на подоконнике в дальнем конце этажа и смотрела на улицу. На ней был надет тот же серый свитер, темные колготки, растрепанные волосы, а на ногах летние сандалии. Она сидела сама, без чьей-либо помощи и поддержки, для Анны это было маленькой победой.

Анна и Галина Степановна осторожно подошли к Лене и присели с ней рядом. Лена обернулась, посмотрела каждой из них в глаза и продолжила смотреть в окно.

— Смотрите, там голубь, — почти шепотом произнесла Лена, не открывая взгляда от окна. — Он каждое утро сюда прилетает, садится на забор и смотрит сюда. Мне кажется, он ждет кого-то.

Анна кинула взгляд в ту же сторону, куда смотрела Лена, и там действительно сидел голубь, на железном ржавом заборе. Нахохлившийся, серый, с розоватыми лапками. И да, повернута голова у него была в сторону интерната. Лена продолжила говорить с Анной. Галина Степановна положила руку на плечо Анны, аккуратно кивнула, прикрыв глаза и медленно пошла дальше по своим делам. Разговор с девочкой, хоть и о голубе, даже пусть и почти шепотом, но это был разговор.

— А ты знаешь его? — спросила Анна у ребенка.

— Не-а. Но он знает зато меня. Он уже неделю прилетает. Я назвала его Фомой. Голубь-Фома. Мне кажется, он ждет, когда я поправлюсь.

Внутри Анны что-то дрогнуло, она не знала, что сказать ребенку, поэтому просто осталась рядом наблюдать вместе с ней за голубем и за тем, что происходило за окном. Они сидели так недолго, и в этих минутах не было ни тревоги, ни страха, ни того самого угла, который преследовал детей по ночам. Был только голубь, пасмурное небо и две фигуры на подоконнике.

Лена спустилась с подоконника, посмотрела на Анну и спросила:

— Скажите, пожалуйста, а вы ещё посидите так со мной вечером?

— Конечно, дорогая моя. — кивнула Анна в ответ.

— Спасибо.

Леночка развернулась и пошла в сторону спальни, рассматривая, как шагают её ноги. Анна проводила взглядом ребенка до комнаты, а сама направилась в сторону столовой, где

уже был, судя по всему обед. Потому что, во время того, как они с Леной сидели у окна, дети группами спускались вниз, а с улицы, забежали вовнутрь. Анна хотела найти ещё кого-то, кто мог бы с ней пообщаться о детях, о том, как и кто, что помнит, до и после. Не важно, кто это был бы, завхоз, уборщица, оператор котельной или слесарь. Спустившись в столовую, там уже вовсю шел обед. Было шумно, как обычно. Анна осмотрела, кто обедает из персонала и увидела только двух воспитательниц. Одна из них была та самая, противная, которая не очень понравилась Анне, из-за её настойчивых советов уехать. Она решила, что не будет сейчас пытаться общаться со второй воспитательницей, когда та будет рядом. Она подошла к раздаточному окну, получила обед и решила посмотреть, куда бы ей сесть. Она увидела Никиту, который сидел один и кушал. И решила присоединиться к нему.

— Никита, привет! — улыбнулась Анна. — Я к тебе присяду, покушать?

— Конечно! — у ребенка загорелись глаза.

— А ты почему один?

— Галина Степановна сейчас придёт, её вызвал директор зачем-то.

— А, тогда хорошо. Кушай, кушай.

Никита, как и утром, ел очень активно. Его рот был постоянно набит едой, и он жадно её поедал. Сразу было понятно, что ребенок не ел много дней нормально. А сейчас организм требует. Анна понаблюдала за Никитой несколько минут, пока её суп был ещё горячим. Никита доел первое раньше, чем Анна успела съесть половину тарелки. Он вытер рот рукавом, за что тут же получил бы замечание от Галины Степановны, будь она рядом, но сейчас никакой Галины не было, и мальчик позволил себе эту маленькую вольность. Анна сделала вид, что не заметила, и продолжила есть.

В столовую зашла Вера Павловна, ещё одна воспитательница, которую Анна видела только мельком. У неё была короткая стрижка, очки с толстыми линзами. На вид ей было около сорока пяти лет. Она взяла поднос и увидела Анну с Никитой и направилась к ним.

— Здравствуйте, разрешите? — спросила она, ставя поднос. — Я Вера Павловна, веду уроки труда и рисования. Мы с вами ещё не знакомы, но я вас уже заочно знаю. Вы же приехали к нам из города?

Анна отодвинула тарелку и протянула руку.

— Да, я врач с города, Анна Дмитриевна. Приятно познакомиться.

Вера Павловна кивнула, и на её лице мелькнула тень. Она сняла очки, протёрла их салфеткой и снова надела.

— Вы сделали за одну ночь то, что нам не удавалось целый месяц.

— Я не делала ничего особенного, просто поверила ребенку.

— Знаете, я тут восьмой год. Дети рисуют. Всегда рисуют. Цветы, дома, животных. Иногда войну, иногда монстров и это нормально. Но то, что я вижу сейчас, это не монстры. Они рисуют так, будто хотят что-то запомнить. Или передать. Понимаете? Будто они свидетели.

Анна посмотрела на Никиту, и после на Веру Павловну, и взглядом указала на Никиту. Ребенок уже покушал и сидел игрался с ложкой.

— Никита, давай я тебя сейчас провожу к Галине Степановне? И потом я с тобой ещё посижу?

— Хорошо. — заулыбался Никита

Анна подошла к Вере Павловне и шепотом сказала:

— Давайте я сейчас вернусь и мы продолжим?

— Да, конечно. — ответила воспитательница.

Анна взяла Никиту за руку и они направились искать Галину Степановну. Но далеко им не пришлось идти, она сама шла в столовую.

— Галина Степановна, не посидите немного с Никитой, буквально минут десять, и я у вас его заберу. Мне нужно поговорить с Верой Павловной.

— Конечно, но у меня, увы, грустные новости.

— Что случилось? — Анна заволновалась.

— Никита, мы сейчас с Анной Дмитриевной отойдем недалеко, нам нужно поговорить о взрослых делах, хорошо? — аккуратно сказала воспитательница.

— Хорошо, только не бросайте меня. — сказал Никита.

— Не волнуйся, мы рядом. — успокоила Галина Степановна.

Анна и Галина отошли вглубь коридора первого этажа.

— Анна Дмитриевна, я дорабатываю последнюю неделю. Меня сокращают.

— Почему вас? Вы единственный человек, который волнуется и переживает за детей, а сокращают вас? — у Анны округлились глаза и задрожал голос.

— Наверное потому что я здесь одна из самых старших среди воспитательниц. Мне и самой обидно, что же я сейчас буду делать.

— Это ужасно. Я поговорю с директором. Я считаю это недопустимо.

— Ну решили, значит так и должно быть. Не нужно Анна Дмитриевна за меня говорить. Я проработала тут много лет.

Анна уже забыла о разговоре с Верой Павловной, потому что её волновала даже не судьба Галины Степановны, а то, сколько она делает для детей, как она их любит и как она их чувствует. Они смотрели друг на друга, у Анны внутри было чувство, что она проиграла, что всё кончилось, что без Галины она не сможет дальше бороться с происходящим вокруг. Эта женщина, которая двенадцать лет возилась с трудными детьми, знала каждую щель в этом здании и единственная из всех воспитателей не побоялась залезть ночью в подвал с фонарём. При этом её сокращали. А те, кто советовал Анне уехать, кто делал странные ухмылки за завтраком, оставались. Галина Степановна стояла перед ней, опустив плечи. Вид у неё был не подавленный, а скорее задумчивый, будто она уже мысленно прощалась с этим местом и пыталась понять, как жить дальше.

— Я не знаю, что вам сказать, — произнесла Анна. — Это совсем несправедливо.

— Жизнь вообще несправедлива, — спокойно ответила Галина Степановна. — Я это давно поняла. Ещё когда своих детей потеряла. Сначала младшего, потом старшего. Думала, с ума сойду. А потом пришла сюда и поняла: здесь я нужна. Здесь такие же потерянные, как я сама.

Она замолчала и посмотрела в сторону столовой, откуда доносился шум детских голосов. Её лицо на мгновение стало мягче, и Анна вдруг подумала, что эта женщина действительно любит детей. Не просто работает с ними, а любит именно той самой, почти материнской любовью, которая не исчезает даже через годы.

— Я не брошу их, — сказала Анна. — Даже когда вы уйдёте. Я доведу это до конца.

Галина Степановна перевела взгляд на неё и несколько секунд смотрела молча. Потом кивнула.

— Я знаю. Поэтому я и рада, что вы здесь. Правда. Вы не такая, как другие.

Галина развернулась и пошла в сторону Никиты, взяла его за руку и медленно по лестнице направилась вверх. Анна проводила их взглядом, а в груди у неё защемило. Она все еще не могла принять, что через неделю Галины Степановны здесь уже не будет. Что она останется здесь одна, и единственный человек, которому она здесь доверяла и можно было положиться, уйдет. Она глубоко набрала в легкие воздух и медленно выдохнула, закрыв при этом глаза. Она вернулась туда, где её ещё ждала Вера Павловна. Разговор ещё не был закончен, нужно было узнать детали то, о чем начала говорить Вера, очень заинтересовало Анну в тот момент.

Анна вернулась в столовую и села напротив Веры Павловны. Та уже доела свой обед и помешивала свой остывший чай ложечкой. Она сидела уставившись в одну точку, задумавшись. Увидев Анну, она немного дернулась и поправила свои очки.

— Извините, что прервалась, — сказала Анна. — Вы начали говорить, о том, что рисуют дети, я решила, что не стоит это обсуждать при детях, особенно тех, кто от этого сам пострадал.

— Да, вы меня тоже извините, я сразу не подумала.

Вера Павловна отодвинула немного поднос и сложила руки на столе. По ней было видно, что эта тема её тоже волнует, что она не раз прокручивала эти мысли в своей голове и возможно, впервые решила поговорить о них.

— Вы говорили, что дети, будто свидетели. Я хотела бы понять, что вы имели в виду.

— Конечно. Смотрите, есть разница между тем, когда ребенок фантазирует, и тем, когда он пытается передать реальный прожитый опыт, — начала Вера. — Ведь когда дети фантазируют, они добавляют детали, которых в целом не существует, и не может быть. Огромные зубы, крылья, огонь из глаз и подобные вещи. А здесь, совсем другое. Никита, Лена и другие дети, они рисуют очень скупо, только то, что видели, в реальности. Спальня, кровати, угол, окно, и эту темную фигуру с точками. Никаких деталей, понимаете? Никаких дополнений и украшательства. Они это не придумывают, будто описывают.

— Да, я видела эти рисунки, и думала о том же самом. Вы говорили, что видели очень много рисунков за последнее время. Что-то подобное уже было?

Вера Павловна покачала головой. В её глазах была растерянность, непонимание того, что происходит с детьми.

— Нет, за восемь лет, ничего подобного не видела, тем более так массово. Я видела монстров, которых рисовали два-три мальчика, но они порисовали их неделю и бросили. Я видела, как девочки с одной группы рисовали какую-то тень, но их тогда запугали мальчики, выдумали какую-то историю. И это не переходило в то, что дети переставали спать, есть, двигаться. Есть у меня одна мысль, но я не уверена, что она верна.

— Говорите, нам важно сейчас всё. — перебила Анна.

— Раньше здесь работала женщина, она уже давно на пенсии, живет в частном доме, на окраине Острогжска. Я с ней общаюсь периодически. Так вот, когда это началось я ей рассказала об этом, что тут творится. И она поведала мне о том, что здесь в шестидесятых годах было почти то же самое, что-то странное. Дети жаловались на существо в углу, кто-то не ел, не спал. Но тогда это быстро замяли и начался ремонт здания, и детей перевели в другое здание, и это закончилось. Директор тогда списал это на массовую истерию, и запретил продолжать об этом говорить.

Анна подалась вперед, и очень внимательно впитывала каждое слово.

— А вы можете дать адрес той женщины, которая тут работала?

Вера Павловна кивнула и полезла в карман халата за ручкой. Анна протянула свой блокнот. Воспитательница на чистом листе ей написала несколько строк. Анна прочитала, но она не знала местность, поэтому уточнила, как лучше ей пройти. Вера на пальцах ей объяснила, куда свернуть и как быстрее дойти до старушки.

— Спасибо, — сказала Анна, убирая блокнот в карман. — И ещё. Вы можете мне показать мне рисунки. Старые, что хранятся в кладовке.

— Да, конечно. Я принесу их после обеда. Но предупреждаю: их много.

— Ничего. Я посмотрю все, я должна ознакомиться. Иначе мы так и не решим нашу проблему.

Анна и Вера вышли вместе из столовой и не прощаясь, разошлись каждая по своим делам. В коридоре было спокойно, Анна посмотрела на часы. Тихий час, подумала она. И решила подняться в свою комнату, и немного разбросать мысли, записать их в блокнот и после найти Галину Степановну и пообщаться. Разговор с Верой Павловной подтвердил то, что она уже чувствовала. Когда-то это уже было, много лет назад. И если тогда это удалось замять, то теперь она не даст этому повториться.

Зайдя в свою комнату, она сразу села за стол и открыла блокнот. Она ещё раз пробежалась по адресу, который написала Вера Павловна, и перечитала все свои старые заметки. Она начала складывать картину с тем, что она узнала сегодня и она оказалась гораздо больше, чем она сама. Но где-то в этой огромной картине должен скрываться ответ, и Анна хотела его найти любой ценой.

Анна захлопнула блокнот и направилась к кровати. За окном ветер раскачивал голые ветки тополей и их тени метались по стене, создавая причудливые узоры. Она легла, на незаправленную кровать, даже не снимая халата. Прикрыв глаза, она задремала, но ненадолго, в коридоре она услышала, как дети начали выходить из спален, кто на занятия, кто на улицу.

Она накинула на себя пальто и решила тоже пройтись, подышать воздухом и если получится найти Галину Степановну. Сейчас в её планах было решить проблему с увольнением Галины, сходить в гости к воспитательнице, которая тут работала давно, и пообщаться ещё с несколькими сотрудниками интерната, вдруг кто ещё, что подскажет по сложившейся ситуации. Анна спустилась на первый этаж и вышла во двор. Прохладный воздух немного обжигал щеки, но ей это даже нравилось. Она задышала чистым воздухом, в голове немного всё прояснилось и мысли перестали метаться. Застегнув пальто на пуговицы, она медленно направилась вдоль здания. Погода была хорошая, сильного ветра не было, тучи были, но не такие тяжелые и низкие. Где-то сквозь них, у горизонта, пробивалось солнце, которое клонилось к закату. Издалека за зданием, она увидела котельную, дверь в которую была приоткрыта. Она подошла ближе и почувствовала сильный запах угля и сырого металла вперемешку с машинным маслом.

Подойдя к порогу, она увидела высокого мужчину, стоявшего у стола и что-то перебиравшего. В зубах у него была сигарета, на голове вязаная шапка, а одет он был в промасленную спецовку. На вид ему было около пятидесяти лет. Ладони были натруженные, здоровые. Он аккуратно взял бычок из губ и хотел бросить его, но увидел, что там стоит Анна.

— Здравствуйте, — сказала Анна, переступая порог. — Я Анна Дмитриевна.

Мужчина немного пошатнулся. У него было широкое, обветренное лицо. Начисто выбритое лицо, с глубокими морщинами у глаз.

— Вечер добрый. Я о вас наслышан, проходите. Я Николай Михайлович, можно просто Михалыч. Я слесарь, но и иногда кочегарю, когда приходится. Я вам могу чем-то помочь?

Михалыч говорил медленно, с лёгкой хрипотцой. Было заметно, что он не привык к долгим разговорам и чувствовал себя немного неловко под внимательным взглядом Анны. Он снял шапку, пригладил редеющие волосы и снова натянул её на лоб, будто без неё ему было неуютно.

Глава 7

Анна зашла во внутрь, переступив порог котельной. Сразу же она почувствовала, как по лицу ударил жар, после холодной погоды на улице, это было даже немного приятно. Спертый воздух, пропитанный угольной пылью и машинными отходами заставил дышать её через рот. Внутри было мрачно и некомфортно, только одна лампочка, болтавшаяся на проводе, горела вполне и немного освещала здание. Внутри массивного чугунного котла мерно гудел огонь, и этот вибрирующий звук заполнял всё пространство, отдаваясь в груди глухим отзвуком. Анна расстегнула пуговицу пальто, потому что её быстро бросило в жар. Николай Михайлович сел на перевернутый деревянный ящик перед верстаком и начал что-то перебирать. Какой-то механизм.

— Замерзли, Анна Дмитриевна? — Поднял голову Николай

— Да у вас внутри тут не замерзнешь. — с улыбкой ответила Анна, пытаясь расстегнуть ещё пару пуговиц на своем пальто.

— Ну рассказывайте, как там наши детишки? — Николай отложил деталь, которую ковырял в руках. — Как продвигается лечение?

— Сегодня двум уже получше, но я не уверена что это надолго. — опустила глаза Анна.

— Была похожая история, ещё до того как я тут стал работать. Много слухов ходило. Даже не в самом интернате, а в нашем городе.

— А вы что-то знаете об этом? — Анна немного надавила своим вопросом, будто хотела узнать всё, что здесь происходило.

Михалыч повернулся к Анне всем телом, упёрся руками в колени и несколько секунд сидел и молча смотрел на неё. Его лицо, изрезанное мелкими морщинами было не пропорциональным, но в глазах читалась какая-то выдержанная мудрость.

— Я человек просто, Анна. — начал Николай. — Я в эти все штучки не верю, и верить даже не собираюсь. В призраков, чертей, домовых — нет. Мне они не интересны. У меня работа такая, с трубами, с давлением, с углем. Если что и сломалось, я сразу чиню. Если я что-то не понимаю, я сажусь и разбираюсь. Но это, о чем тут все говорят. — он обвел рукой пространство котельной, будто имел ввиду что-то гораздо большее, чем просто котельная, — с этим я разбираться не могу и не хочу. Потому что я уже давно понял, что есть вещи, которые лучше не трогать. Это себе дороже.

Он замолчал. Достал из кармана пачку сигарет. Своим большими пальцами он обхватил сигарету и поднес её ко рту. Он посмотрел на Анну, и протянул ей сигареты. Она отмахнулась. Но, после попросила сигарету, и Николай протянул ей открытую пачку. Он встал и подкурил ей спичками. Анна закашляла, не сильно, но было ясно, что она не первый раз закуривает сигареты. Она посмотрела на Михалыча, когда тот уселся обратно. Анна не торопила его, она понимала, что такие люди как Николай, не любят когда из них тянут слова. Им нужно дать время.

— И давно вы курите? — ухмыльнулся Михалыч.

— Это я балуюсь, — Анна засмушалась, — сейчас очень нервно просто, вот и решила, раз вы ещё предложили.

— Хмм, ну вы заходите, на перекур. — улыбнулся Николай.

— Хорошо.

— В общем, я не закончил. Я тут уже четырнадцать лет. — продолжил он, сделав глубокий вдох. — Ой, уже получается пятнадцать лет. Суть не в этом. Такое уже было здесь, лет десять, а может двадцать назад. До того, как я сюда устроился работать. Но, было и при мне, в семьдесят восьмом или девятом, тянуло вот таким холодом, как сейчас с углов. И запах этот мерзкий стоял, будто из старого погреба тянет. Я в тот момент на трубы все списал. Думал

может трещина или вообще сквозняк. Починил, вроде прошло. А теперь опять. И дети начали мучаться от кошмаров. Но в мое время с детьми ничего не было, все было хорошо. Насколько я помню.

Он посмотрел внимательно на Анна, и в его глазах чувствовалась, что-то похожее на беспомощность.

— Я честно не знаю, что происходит Анна. Может тут место такое, странное, со своим прошлым, а может в земле что-то сидит. Хрен его знает. Я в это не верю, но факт остается фактом. Через какой-то период времени тут что-то происходит, будто что-то просыпается. Я не ученый, не могу объяснить это всё объяснить. Но детей очень жалко, они то в в чем виноваты? Они просто тут живут. И так жизнью покалеченные, а ещё это...

Анна внимательно слушала, что говорил Николай. Она затушила сигарету и бросила её в ведро с мусором, стоявшее в углу. Она обратила внимание на слова слесаря, что всё происходит снова, возвращаясь раз за разом. Когда-то просто запахом, когда-то со страхом. Она достала блокнот и пометила у себя, о возвращении этой "заразы".

Они продолжили общаться, о детях, о здании, о людях которые тут работали, даже о старых трубах. Николай оживлялся, когда речь заходила о работе, но каждый раз, когда Анна пыталась разговор к странностям, к страхам и детям, он мрачнел и уходил в себя. Она поняла, что больше не стоит давить на человека. Они вместе покурили ещё раз, Анна попрощалась и покинула котельную.

— Вы заходите, на перекуры, дети вас тут не найдут. — с ухмылкой сказал Николай, вслед Анны.

— Хорошо, была рада нашему знакомству, спасибо вам! — откликнулась Анна.

Анна неспеша направилась обратно в интернат. В мыслях у неё засело то, что говорила и Вера Павловна и Николай Михайлович. То, что происходит сейчас не просто совпадение или первый раз. Это уже повторялось. И случаи были разные.

Зайдя внутрь, Анна увидела тихий сумрачный коридор интерната. Она медленно поднялась по лестнице вверх, и остановилась перед спальней мальчиков. Тихий час уже кончился, но дети не выходили из своих спален. Анна приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Никого не было, только Никита сидел на кровати уставившись в угол комнаты. Руками он обхватил ноги. В тот самый угол, который был на его рисунках. Как в прошлый раз, когда Анна его увидела ночью. Выражение лица ребенка было тем же самым. Застывшее, будто он не здесь. Внимательно насторожившиеся, будто что-то слушает. Зрачки так же расширены до неестественных размеров. У Анны заколотилось сердце. Она подошла к Никите, и попыталась поговорить с ним.

— Привет, Никита. — тихо произнесла Анна. — Ты чего там видишь?

Ребенок молчал, он продолжал сидеть уставившись в угол, челюсти были сомкнуты и зубы иногда скрежетали друг о друга. Его губы едва шевелились, будто иногда он с кем то разговаривал, но беззвучно. Анна боялась вывести ребенка из этого состояния быстро, потому что он может испугаться ещё сильнее. Она положила ему руку на плечо и мягко, но настойчиво привлекла его внимание к себе.

— Никита, дорогой мой, я здесь. Посмотри на меня.

Он немного вздрогнул, и перевел свои расширенные зрачки на неё. В его глазах была тьма, глубокая и страшная. Лицо было спокойное, но обреченное.

— Уходи отсюда! — сказал неестественным голосом Никита.

Анна вскочила с кровати, она смотрела на мальчика, и не понимала что делать. Она перестала дышать. Рот пересох, а в горле стал ком, который можно было пробить только стаканом воды. Она не понимала, что ей делать, но осознавала, что ей нужно вывести Никиту из этого состояния.

В комнату открылась дверь и зашла Галина Степановна. Никита сразу поменялся в лице, небольшой оскал пропал, глаза стали естественных размеров, но на них накатились слезы. Мальчик был перепуган. Он весь дрожал, как тополя от ноябрьского ветра, за окном спальни Анны. Она взяла его на руки.

— Что случилось, Анна Дмитриевна? — Подбежала Галина Степановна.

— Никита, я не знаю. Он опять сидел смотрел в угол. — Анна говорила с дрожью в голосе, а во рту всё так же не хватало воды.

— Господи, бедный ребенок. Пойдемте попьем чаю, у меня есть очень вкусное печенье и там обсудим.

— Конечно, уйдем из этой спальни. — Анна прижала мальчика ещё сильнее, боясь за него, как за своего сына.

Они вышли в коридор, Галина прикрыла двери спальни за Анной и Никитой и направились в комнату отдыха персонала. Анна усадила на кресло ребенка, Галина Степановна быстро сбегала набрала воды в чайник и вернулась чтобы его согреть уже на включенной плите.

— Ну что случилось, рассказывайте. — Галина Степановна сама была перепугана, не меньше Анны.

— Я зашла проведать Никиту, увидела, что он опять сидит смотри в угол. Решила его отвлечь и забрать к себе. — Анна не могла перевести дух. — Я подошла к нему, и он мне сказал не своим голосом "Уходи отсюда"!

Анна стояла и вся тряслась, она искала глазами кувшин, чтобы немного себя успокоить. Галина Степановна не отводя от неё глаз, поняла, что ей нужна вода и налила ей в стакан.

— Держи моя дорогая. Сядь, успокойся. Попей водички.

— Спасибо, Галина Степановна.

Никита сидел, и смотрел как воспитательницы были испуганы сильнее его самого. Его так же трясло, как и Анну. Анна встала с кресла, взяла на руки Никиту и посадила его на колени.

— Мальчик мой, что с тобой было, скажи мне пожалуйста?

Ребенок смотрел на нее и не знал, что ответить, он ничего не понимал, он был просто напуган.

— Там был дядя, он был немного ближе обычного. И всё, я больше ничего не помню. Я помню, как только мы шли по коридору с вами.

— Анна Дмитриевна, успокойтесь пожалуйста. — Галина Степановна показала взглядом, что нужно прийти в себя, а уже потом думать о том что произошло.

— Хорошо, Галина Степановна. — Анна кивнула в ответ, понимая, что нужно остыть.

Анна решила, что нельзя в такой ситуации, что-то делать, это стресс для всех. Сейчас нужно привести свои эмоции в порядок. Иначе так можно навредить ребенку. Холод внутри Анны уже уходил, она начала понимать, что она показала свой испуг ребенку. Это не профессионально и не простительно ей. Она его обняла и сказала, тихо и спокойно:

— Я с тобой. Я рядом! Я больше ни куда не уйду. Слышишь? Я тебя не оставлю одного! Ты сегодня спишь со мной!

Никита вжался в Анну, как в родную мать. Слезы на халате оставили мокрые пятна и мальчик тихо прошептал:

— Спасибо!

Анна погладила ребенка по голове, ощущая, как собственная дрожь начала утихать. Холод внутри уже ушел. Она понимала, что ей нужно исправить ситуацию действиями, потому что показать свой страх это подтвердить ребенку, что всё реально. Она посмотрела на Галину Степановну, которая стояла у плиты и наводила чай для них, она молчала, но всё понимала без лишних слов.

— Галина Степановна, я хочу забрать ещё Лену, — сказала Анна. Голос звучал уверенно и ровно, почти буднично. — Девочка не должна оставаться одна, я их уложу у себя. Сегодня они будут спать вместе. Им нужно передохнуть.

Галина Степановна кивнула в ответ. Она не стала спрашивать для чего и зачем. Она понимала, и ответила:

— Побудьте здесь, попейте чаю, а я схожу за Леной и поищу раскладушку для вас, не спать же вам в кресле.

— Спасибо вам, Галина Степановна, огромное.

Анна взяла за ладонь Галины, и посмотрела на неё, как на единственный луч солнца, который мелькал в этом темном месте.

Галина Степановна поставила чай на столик, и вышла за дверь. Анна осталась с Никитой. Мальчик уже успокоился, молча сидел на коленях жевал печенье которое положила Галина на стол. Анна взяла кружку чая одной рукой и аккуратно отпила глоток. Мальчик смотрел в окно, за которыми постепенно сгущались сумерки. Анна ощущала, как его маленькое сердце колотится где-то у самого горла. Она поняла, что сегодня он вряд ли заснет сам, но она и сама не особо собиралась спать, после всего произошедшего.

Спустя несколько минут, дверь открылась и на пороге комнаты отдыха стояла Галина Степановна, державшая за руку Лену. Девочка была растеряна, но живая, не потерянная. Волосы были растрепаны, как и всегда. Она посмотрела на Анну и потом на Никиту и без слов приблизилась к ним. Анна протянула ей руку и Лена аккуратно без страха вложила в неё свою ладонь. Холодную и тонкую, как веточку.

— Лена ты будешь чай? — спросила Галина Степановна.

— Буду. — стесняясь ответила Лена.

— Идите в спальню Анны Дмитриевны, располагайтесь там, а я вам принесу чаю. И да, раскладушка стоит на входе в вашу комнату.

— Ещё раз спасибо, Галина Степановна.

Анна взяла детей за руки, и они пошли в спальню. Коридор их встретил их уже давно привычной тишиной. Дневные лампы уже не горели, только вдалеке у лестницы горели желтый дежурный свет, разливаясь тусклым пятном на полу. Анна шла медленно, чувствуя, как дети прижимаются к ней с обеих сторон. Она впустила их в комнату, а сама вернулась за раскладушкой. Она уложила их на кровать, укрыла их одеялом, Подушки всего было две, и она решила, чтобы детям было уютнее, положила под голову Лены вторую. Сама поспит просто на матрасе. Но уселась на кресло, чтобы понаблюдать за детьми и записать заметки в блокноте. За окном шумел сильный ветер. Иногда между рамами проскакивал свист, чуть заметный, но ощущалось как холод проскальзывает во внутрь. Она сидела и смотрела, как засыпают дети. Никита уснул быстро. Лене нужно было немного времени, чтобы привыкнуть, что в спине есть тепло, от мальчика, который спит рядом. Она смотрела на Анну и через несколько минут провалилась в сон.

Анна подошла к детям, поправила одеяло и уселась обратно в кресло. Она не спала почти до утра. Слушала звук комнаты. Звук интерната. Как скрипят звуки половиц, когда, кто-то проходит мимо. Несколько раз ей казалось, что дверь вот-вот откроется. Она даже вставала проверить задвижку. Та была плотно заперта. Она списывала это на сегодняшний стресс и испуг. Но всё же ощущение, что за дверью кто-то стоит, её твердо не покидало, почти до самого рассвета. Она позволила себе лечь на раскладушку и закрыть глаза. Она быстро ушла в короткий и поверхностный сон.

Проснулась она оттого, что кто-то тронул её за плечо, а рядом ей кто-то мешался. Она открыла глаза, а на раскладушке вместе с ней лежала Лена. А Никита стоял рядом и смотрел на неё выпавшими глазами.

— Доброе утро, — сказал он тихо. — Я очень хочу кушать.

Анна улыбнулась, но она не хотела тревожить Лёну. Но та сама уже открыла глаза.

— Здравствуйте, — сказала Лёна, — простите меня, что легла к вам, Никита забрал у меня одеяло и мне было холодно.

— Всё хорошо, солнышко. Одевайтесь, сейчас пойдем кушать. Но вначале мы приведем себя в порядок.

В углу стояла раковина, о которой Анна всё время забывала, предпочитая ходить в общий умывальник. Она умыла детей, причесала Лёну, а после и себя. Анна с детьми направились в сторону столовой и встретили Галину Степановну.

— Дети мои, мне сейчас нужно сходить по делам. А вы пока побудьте с Галиной Степановной. Хорошо?

— Хорошо, — хором ответили дети.

— Я постараюсь вернуться как можно скорее, — сказала Анна. — Если что-то понадобится, вы знаете, где меня искать.

— Не волнуйтесь, Анна Дмитриевна, — ответила Галина Степановна. — Идите. Я пригляжу за ними.

Анна присела перед Никитой и Лёной, заглянула им в глаза. Никита уже не выглядел испуганным, только сонным. Лёна молча смотрела на неё, но в её взгляде больше не было той пугающей пустоты.

— Я ненадолго, — сказала Анна. — Вы побудете с Галиной Степановной, хорошо?

Анна вернулась в свою комнату, накинула пальто. Взяла блокнот, проверила адрес. И решила перед выходом заскочить к слесарю.

— Доброе утро, Николай Михайлович. — с улыбкой сказала Анна.

— О, Анна, доброе, доброе. Не хотите чаю? Или сигарету?

Анна замялась: ей хотелось и того и другого.

— Ну если угостите, я буду не против.

— Конечно. — сказала Николай и протянул ей пачку сигарет со спичками. — Я вам пока заварю чай.

— Спасибо вам большое.

— Как прошла ночка? — не оборачиваясь, наливая чай, спросил Николай.

— Я после вас вчера вышла и вы не представляете. Дети вообще перепуганные были, забрала их к себе ночевать. Страшно мне за них. И немного даже стало за себя.

— За себя? А с вами то чего случилось? — развернулся Михалыч с удивленным лицом.

— Да детишки так пугаются, что я сама верить начинаю в эту чушь. Столько работаю, всегда понимала страхи, поведение, причины. А тут... Я незнаю...

— Не пугайтесь вы, всё будет хорошо. Разберетесь вы с этим.

Николай сказал очень уверенно последнюю фразу, Анна даже немного ободрилась. Он протянул ей кружку чая, и они вместе молча, смотря через дверь на задний двор интерната, пили чай. Закончив чаепитие. Анна протянула руку Николаю.

— Спасибо вам за утреннее настроение!

— Всегда рад, Анна. Забегайте когда удобно!

Анна вышла за территорию интерната, вдохнула холодный, пахнувший дымом воздух и решительно зашагала в сторону окраины. Сегодня она сделает следующий шаг. Сегодня она узнает то, о чём молчат стены этого старого здания.

Глава 8

Дом возник перед Анной неожиданно, хоть Анна и шла к нему целенаправленно, сверяя с адресом на вырванном листе блокнота. Дом стоял на самом краю улицы, там, где заканчивались заброшенные участки и начинался луг. Пустой и бескрайний луг, где ветер гулял по нему свободно. Анна замедлилась возле калитки, чтобы немного перевести дух и осмотреться. Дом был большим и старым. Он немного накренен и со стороны это сильно бросалось в глаза. Брёвна, из которых был сложен дом, потемнели от сырости и морозов. Крыша была крыта старым и потресканным шифером, который порос мхом. Над трубой поднимался легкий, почти прозрачный дым. Деревянный забор был завален у задней части дома, но он ещё держался на честном слове. Калитка, возле которой остановилась Анна, была покрыта трещинами из краски, и сквозь них, точно вздох времени, проступала ещё более старая, глухая и выцветшая.

Анна толкнула калитку, та отозвалась протяжным скрипом, который разнёсся по всей улице. Тропинка к крыльцу была выложена старым кирпичом, который уже давно врос в землю, а между трещин пробивалась желтая трава. Анна шла не торопясь, рассматривая все вокруг. Во дворе стояла старая собачья будка, пустая. Цепь возле неё уже давно покрылась ржавчиной. У забора лежала большая стопка нарубленных дров, рядом стоял пенек с вбитым в него топором. Недалеко стоял сарай, из которого доносились звуки домашней птицы.

Старое крыльцо было деревянным, с несколькими ступенями, стертыми посередине. Анна поднялась и постучала в давно выцветшую дверь. Постояв около минуты, она постучала ещё раз, но уже не в дверь, а в окно которое смотрело во двор. За дверью что-то зашуршало и дверь немного приоткрылась. На пороге появилась старушка. Она была небольшого роста, ниже Анны почти на целую голову, и очень худой. Платок поверх головы был завязан под подбородком, обрамлял лицо, которое от возраста уже было изрезанно морщинами. Но взгляд был очень живым и острым, с особой цепкостью, которая не имеет ничего общего с возрастом старушки. В основном так смотрят люди, которые в своей жизни много видели, но мало забыли. На ней был надето старое потрепанное платье с рукавами, поверх которого была накинута жилетка из овечьей шкуры. Ноги были закрыты теплыми толстыми колготками. А на ступнях шерстяные носки, которые судя по всему она вязала сама. Ладони старушки были уже скрючены от возраста, а грязь, которая находилась в глубоких трещинах, не вымывалась уже ни чем. Это руки рабочей женщины, которая не знала ни дня без труда. Обычно такие люди считали, что отдых нужно было заслужить и по-настоящему они отдохнут только на небесах. Старушка внимательно осмотрела Анну, хотела что-то сказать, но Анна её опередила.

— Добрый день! София Андреевна. — сказала Анна. — Я Анна, работаю в интернате. Вера Павловна дала мне ваш адрес. Можно мне с вами пообщаться?

Старушка несколько секунд смотрела на Анну, немного склонив голову набок. После чего молча отступила назад, вглубь прихожей.

— Здравствуйте. Проходите. Только вытрите ноги. Я тут одна вожусь, гостей уже давно не было.

Анна переступила крыльцо и вошла в дом. В доме было тепло, даже немного жарко. Запах трав и свежей выпечки сразу же свел Анну с ума. Она рассматривала дом с особым вниманием. На стенах висели старые фотографии в обычных деревянных рамках, а на подоконнике красовались горшки с геранью. Цветы были ухоженные, листья свежие без единой пылинки, и это говорило о хозяйке намного больше, чем какие-либо слова. Мебель была старой, но опрятной. Небольшая печь издавала небольшой гул от огня. Анна прошла за старушкой в комнату, похожую на гостиную. Посередине стоял круглый деревянный стол, накрытый кружевной скатертью. А по обе стороны — большие деревянные кресла, поверх которых было

вязаное покрывало. Женщина указала ей на кресло, а сама села напротив, сложив руки на коленях в ожидании, что скажет ей собеседница.

Анна не стала ходить вокруг да около. И приступила сразу же к разговору, кто она, чем занимается, зачем приехала и что происходит в интернате. Она рассказывала всё в мельчайших деталях, вплоть до ночных инцидентов с Никитой. София Андреевна слушала Анну внимательно, не перебивая. Только её пальцы, лежавшие на коленях, медленно сжимались и разжимались. Когда Анна замолчала, старушка ещё долго сидела неподвижно, смотря, то в пол, то на проход комнаты. После она подняла глаза на Анну.

— Опять началось, — сказала она негромко.

Анна почувствовала, как внутри неё что-то дрогнуло, потому что она не ожидала такого принятия факта от старушки.

— Вы сказали "опять"? — осторожно переспросила Анна. — Значит это уже было получается?

— Да... Было. — кивнула Софья Андреевна. — В шестидесятых. Я была намного моложе. Мой муж, Григорий Иванович, был одним из строителей этого интерната. Он вообще построил много чего в Острогжске. Руки, конечно у него были золотые. — Она замолчала, а взгляд ускользнул на одну из фотографий, которая висела на стене. Лицо её на мгновение смягчилось. — Он меня туда и устроил. Я была одна из первых воспитательниц нового интерната. Я очень люблю детишек, своих нам Бог не дал, так я и чужим была рада не меньше.

София Андреевна вздохнула, морщинистыми руками поправила платок на голове. Анна её не торопила. Она понимала, что старушка пытается прожить то, о чем не говорила ни с кем уже много лет.

— И что произошло? — Спросила Анна тихо.

— Дочка, сейчас я тебе скажу то, что ты уже сама видишь. Сначала один из мальчиков заболел. Я не помню, как его звали. Кажется Сережка. Он начал рисовать мелом и углем на стенах странную фигуру с двумя глазами. Говорил нам, что кто-то в углу стоит по ночам. Я не придавала тогда этому значения. Потом второй, Колька. Его я помню, он был сыном наших знакомых, которые утонули в Дону. А потом и девочки. — Старушка остановилась, по ней было видно, что она пытается вспомнить детали и нюансы, которые возможно помогут Анне. — Они все начали рисовать чертиков в углу. Без рогов и хвостов, только силуэт и глазки. Мы испробовали тогда всё, с Воронежа так же приезжали разные специалисты. Мы не могли найти причину. Мы решились и пошли к директору. Который всё сослал на массовую истерию, он не хотел решать эту проблему. Будто он, что-то знал. Одна из девочек... — София Андреевна запнулась и поджала губы. — Одна девочка говорила, что он её завет, что мы её не убереем и он её заберет.

На несколько минут повисла тишина, и только треск печи отщелкивал секунды. Анна хотела спросить, но боялась. Что же случилось с той девочкой. Но понимала, что ответ ей может совсем не понравиться.

— А что потом? — спросила она наконец.

— После детей отправили в лагерь на целое лето и начался крупный ремонт. Директор сменился, пришел молодой, который ничего по этому поводу не знал. Постепенно все забылось и стерлось. Никто даже не вспоминал. Кроме меня.

Старушка смотрела Анне в глаза и в этом взгляде не было ничего, что означало страх или жалость. Только спокойная, выдержанная горечь человека, который давно перестал ждать ответов.

— Анна, ты же за этим пришла? Пойми одно дочка, я тебе не дам никаких ответов, я до сих пор не знаю, что это было. Но я сама поверила в этот страх вместе с детьми. Я сама видела.... Видела, что-то в углу.

У Анны пробежал холодок по спине, она сжала одну руку в кулак и вжалась немного в кресло.

— Я понимаю, София Андреевна. Но может, что-то есть, что может нам помочь?

Анна рассказала кратко о том, что детям начало помогать, когда она забирает их к себе спать. О том что взрослых, этот "Дядя" боится.

— Нет, Анна, он вас не боится. Я делала ровно тоже самое. Я спала с шестью детьми в комнате. Но спустя неделю, я начала сама его слышать.

Анна побледнела, она смотрела на старушку и не могла поверить, что всё что она делала пустая трата времени. И что сама может оказаться на месте Софии Андреевны.

Старушка встала. Посмотрела на комод в углу комнаты.

— Сейчас дочка, есть у меня кое-что, что возможно может тебе помочь. Но я не уверена.

Женщина наклонилась открыла комод и достала несколько бумаг, старых и пожелтевших.

— Возьми. Это муж приносил мне ещё когда строили это здание, я не знаю, что всё это может значить, но вдруг это тебе поможет.

Анна взяла бумаги, и стала разглядывать. Старые потертые бумаги, которые на складках уже поменяли свой цвет. Развернув листы, она прочитала: "НКВД 1937 год....". Часть текста была уже стерта временем. "Допрос 135. Семья Ст....". И так весь текст, где то было четко выделено пару слов, а где то остались лишь буквы, которые не соберешь даже в целые слова.

— Спасибо большое, София Андреевна. Вы мне очень помогли.

— Больше я ничего не знаю, — сказала старушка. — Увы...

Анна аккуратно убрала листы бумаги в блокнот, чтобы не потерять. Она понимала, что разговор окончен. Но старушка настояла на то, чтобы она осталась и хотя-бы просто с ней посидела и попила чаю с пирожками, которые она вот-вот напекла. Анна не отказалась. Но попросила разрешения выйти.

На улице погода была теплой, Анна вышла, даже не стала застегивать пальто. Она достала сигарету, которую сперла у слесаря утром и закурила. Она вдыхала дым, и с каждой затяжкой внутри становилось спокойнее, по крайней мере ей так казалось. Она стояла на крыльце, прислонившись плечом к дверному косяку, и наблюдала за тем, как ветер гоняет по двору сухие листья. Анна думала о том, что только что услышала от Софии Андреевны. Она рассуждала и понимала, что её метод не работал. Это лишь временная заглушка, перед тем что ей ещё предстоит пережить. Анна думала, что она нашла способ, как защитить детей, а на самом деле она просто повторяла чужой путь из прошлого. И финал этого пути ей точно показали. София Андреевна не сошла с ума, не погибла, но что-то в ней надломила эта история. Что-то осталось в тех шестидесяти годах, в той самой комнате где она спала с детьми.

Анна закурила, затушила окурки о землю и сунула его в карман. Её привычка с детства, что мусорить на улице — плохо и некрасиво. Она вернулась в дом и почувствовала, как ароматный чай из луговых трав тянулся от самой гостиной до входной двери. Внутри София Андреевна раскладывала по тарелкам пирожки. Они были румяные, небольшого размера с начинкой из капусты и картошки с грибами. Анна присела на свое место и они начали чаепитие. Старушка немного рассказала ей про Острогжск, про мужа Григория Ивановича, где он что строил. Вспомнила годы техникума и как они убирали поля. Она не хотела поднимать опять тему интерната, по ней было видно, что она устала и не хочет возвращаться к этим страшным событиям своей жизни.

Когда чай в кружке кончился, а пирожки были съедены, Анна засобиралась. София Андреевна проводила её до калитки и на прощание взяла её за руку. Пальцы старушки были грубыми и теплыми, как прогретая солнцем земля.

— Дочка, ты мне очень напоминаешь меня. Главное дорогая моя, не бойся. — сказала она тихо, но очень заботливо. — Страх. Это далеко не поражение. Поражение, это когда ты

перестанешь бороться. А ты ни когда не опустишь руки. Я это вижу по твоим глазам. С Богом дочка.

Анна хотела отблагодарить Софью Андреевну, но слова застряли где-то в горле. Она просто кивнула, и сжала ладонь старушки и направилась обратно в сторону интерната. Она услышала, как калитка позади неё скрипнула на прощание. Анна шла по улицам и размышляла, как поступать дальше. Какие есть варианты, чтобы сдвинуться дальше с места. Внутри она прокрутила слова Никиты, который попросил не покидать их. И она с уверенностью ответила, что не бросит их пока не решит, что тут происходит. Последние слова старушки, дали ей сил и уверенности. Но самое страшное ещё впереди и Анна это прекрасно понимала.

Она шла по Острогожску, и наступающий вечер провожал её тишиной. Фонари между улицами в частном секторе вообще не горели. Только в центре города, до которого ещё нужно было дойти. Но на улице ещё не было темно, солнце от заката ещё окрашивало всё вокруг в оранжевые краски. Где-то вдалеке лаяли собаки, через улицу, кто-то жег костер, от которого дым валил по всему частному сектору, а запах жженой сухой травы бил по носу.

Анна прошла водонапорную башню, миновала закрытый гастроном и вышла к центральной улице, где недалеко от неё уже был интернат. Фонари уже горели желтым тусклым светом, прямо под себя. Анне было легко, и тревожные мысли которые она прокручивала периодически, приходили волнами, но не застревали на всё время. Анна подумала, что она не очень хочет возвращаться в интернат. Потому внутри, она должна быть самой сильной и смелой. Она должна поддерживать воспитательниц, улыбаться и быть мамой для детей, и защищать их от того, что их преследует. Создавать впечатление, что всё вроде бы под контролем. Но это не так. Сейчас она просто хотела позволить себе просто быть, на этой пустой улице. Просто идти и дышать. Жить.

Чем ближе Анна подходила к зданию интерната, тем отчетливее давала себе отчет о том, что страх, который она испытывает последние дни, сильно изменился. Он не исчез, он приобрел новую форму, он перестал быть парализующим. Теперь он был похож на холодный огонь, который периодически загорался внутри. Он не грел, но давал ясность. Главное сейчас в её голове, это правильно продолжить работу, найти зацепки, поговорить с оставшимися людьми. Создать связь между тем, что уже у неё есть на руках. Все, то что происходит, не может появиться из неоткуда, где то есть тайна, которая скрывается годами, десятилетиями, а может даже и веками.

Когда Анна подошла к воротам территории интерната, было уже темно. В окнах горел свет, а на втором этаже в комнате отдыха персонала, двигался силуэт. Анна аккуратно толкнула калитку и вошла во двор. Под ногами сырая земля, чередовалась вместе с тонким слоем льда, который хрустел оглушительно громко. Анна поднялась на крыльцо и открыла тяжелые входные двери.

В коридоре стояла обычная тишина интерната в вечернее время. Только часы издавали монотонный звук на всё здание. Анна сразу же направилась в комнату отдыха персонала, где видела силуэты с улицы. Поднимаясь по скрипучей лестнице, она снимала пальто. Войдя во внутрь комнаты, она видела, что Галина Степановна вместе с Никитой и Леной трапезничали. Анна выдохнула и улыбкой прошла к ним. У детей на лице появилась радость, а Галина Степановна аккуратно кивнула Анне, показав, что в её отсутствие всё было хорошо.

— Вы вернулись, — сказала Леночка, обнимая Анну. — Я вас очень ждала.

Анна прижала ребенка к себе, и почувствовала, как она нужна здесь, детям, Галине Степановне, интернату.

— Я же обещала, — тихо сказала Анна, глядя Лену по волосам. — Я буду с вами пока вы не перестанете бояться.

Она подняла глаза на Галину Степановну, и та едва заметно улыбнулась в ответ. Анна вдруг почувствовала, как внутри что-то ослабло. Тугая пружина, которую она сжимала весь

день, наконец отпустила. Она была на своём месте. И что бы ни ждало её завтра, сегодня она была нужна здесь. Никита подошел к Анне и протянул ей конфету.

— Никита, ты чего кушай сам.

— Нет, это всем раздавали, я не стал есть и оставил для вас. — Никита стоял перед ней с вытянутой ладошкой на которой лежало лакомство.

— Ты ж мой хороший.

Анна взяла конфету, и аккуратно подтянула Никиту к себе. И приобняла его. Галина Степановна попрощалась с ребятами и Анной и направилась отдыхать к себе домой.

— Спасибо, Галина Степановна, что посидели с детьми.

— Отдыхайте. Если что, на втором этаже, в комнате директора есть телефон. Звоните мне. Все номера записаны там же, в книжке.

Они кивнули друг другу и Галина Степановна покинула комнату.

Глава 9

Интернат медленно просыпался. В коридорах стояла ещё ночная тишина, только часы на первом этаже нарушали этот покой. За окнами стояла предраассветная синева, когда тени становятся более четкими, а темнота уступает место свету. Снега ещё не было, но земля промерзала, и трава хрустела под ногами, когда кто-то проходил мимо. За забором, в частном секторе, где-то неподалёку был слышен звук заведенного мотоцикла, он затарахтел и уехал куда-то в сторону центра. На голых ветках тополей, пересвистывались синицы, а выше в бледнеющем небе тянулся к югу клин поздних уток, пока мороз не сковал последнюю воду.

В котельной жизнь уже давно кипела. В этом время года, она вообще уже не останавливалась. Холода наступали и Михалычу приходилось дежурить сутками в котельной, чтобы здание не остывало. В каморке Михалыча, рядом с котельной, зазвенел будильник. Николай потянулся и потер лицо. Он сразу направился чтобы заправить котел топливом. Открыл дверку чана, закинул во внутрь несколько лопат угля и около дюжины дров. Михалыч сейчас часто смешивал топливо, потому что уголь давно не привозили. Утробный гул котла набирал силы и расходился по трубам, как кровь по венам.

В комнате отдыха персонала уже сидела Галина Степановна перед маленьким ночником., который был в форме гриба. Он остался ей с тех времен, когда она ещё работала в яслях. Она сидела и перебирала пуговицы, это была её привычка, которая успокаивала и настраивала на день. Она доставала их из коробки по одной и раскладывала на столе. Черные к черным, деревянные к деревянным. Галина делала это медленно, будто собиралась с мыслями и просыпалась в этот момент. Она заметила одну пуговицу, коричневую. У неё был обломленный край. Воспитательница внимательно на него посмотрела под лампой и покрутила в руках. Но вместо того чтобы вернуть её в коробку, она положила в карман своего халата. Она ссыпала все остальные обратно, закрыла крышку и убрала коробку на тумбочку. Туда, где она всегда и стояла. Поправила платок и вышла в коридор, чтобы прожить свои последние рабочие дни в интернате.

Анна ещё спала в своей комнате, вместе с детьми. Дети так же спали на одной кровати, а женщина на раскладушке. В комнате было душно, от чего Лена скинула с себя одеяло. Никита спал спокойно и безмятежно, свернувшись калачиком. Анна спала так же глубоко, как и дети, без сновидений, и впервые за несколько дней её сон был по-настоящему спокойным.

Николай Михайлович вышел во двор, натянув на голову старую шапку. Он закурил и стоял у двери в котельную, разглядывая как светлеет небо. Ветер относил сигаретный дым в сторону. Он подумал о том, что они обсуждали с Анной и что она совсем не похожа на других. Но он не делал из этого ни каких выводов. Просто мысли пробежали пока он был занят сигаретой и небом. Он посмотрел на топор который лежал у пеньков и решил заняться заготовкой дров после завтрака. А пока интернат только просыпался.

Первый звук, который услышала Анна, был голос Галины Степановны. Он доносился откуда-то из коридора. Она будила детей и помогала им заправлять кровати за собой. Анна открыла глаза и осмотрела комнату. Уже было довольно светло, солнце поднялось и теперь заливало пол косыми полосами. Лена и Никита ещё сопели в кровати. Лена лежала поперек с раскинутыми руками, а Никита так же свернутый калачиком где у стенки, только один затылок торчал из-под одеяла. Анна осторожно поднялась с кровати, стараясь не скрипеть раскладушкой, и подошла к столу. Блокнот так же лежал, где она его и оставила вечером. Рядом с ним лежали несколько пожелтевших листов, которые София Андреевна ей вчера передала.

Она взяла в руки бумаги и аккуратно села у окна. Вчера когда она пыталась рассмотреть хоть что-то на этих листах, она так и не разглядела, только обрывки фраз и цифр. Но сегодня, при дневном свете, проступали буквы, которые она вчера не замечала, и можно было хоть что-

то понять. Она водила пальцем по строчкам и разглядывала каждое слово. "НКВД...", "1937 год...", "допрос ...", "семья...". И очень много дат, которые настойчиво напоминали о том, что здесь что-то произошло. О чем не принято было говорить.

На другом листе, в самом углу была надпись. Которая заставила Анну почувствовать внутри холод. "Приговор приведен в исполнение...". И ниже было написано несколько имен и фамилий, которые было тяжело разобрать, как ни всматривайся. Эта надпись была не напечатана, как все остальные, а была написана от руки. Подпись, а точнее закорючка которая от неё осталась, была похожа на прописную заглавную букву "Д". Анна не стала долго смотреть на эти бумаги потому что с тем, что здесь происходит нет ни какой связи. А забивать себе голову прошлым, которое здесь возможно было, ей просто не хотелось. Она убрала эти листы в блокнот, без задней мысли, будто понимала, что эти листы возможно ей ещё пригодятся.

Дети зашевелились и начали просыпаться. Никита сел на край кровати и потёр свои глаза. Лена улыбнулась, когда увидела Анну и немного потянулась. Дети чувствовали себя спокойно и в безопасности. Но Анна понимала, что это не будет продолжаться долго и нужно было, что-то предпринимать, потому что помимо Никиты и Лены, есть и другие дети, которые в такой же опасности. Просто те дети, ещё не пострадали так сильно, как те которые сидели на кровати рядом с Анной. Это был лишь вопрос времени.

После завтрака, примерно через полчаса, Анна передала детей Галине Степановне, а сама решила пойти к директору. Она хотела решить все вопросы, которые касаются увольнения Галины Степановны и узнать знает ли он, что здесь уже происходит то, что происходило много лет назад. Анна подошла к двери директора и постучалась. Из-за двери послышалось приглушенное "войдите".

Директор сидел за столом, в выцветшем пиджаке и перебирал какие-то бумаги. Увидев Анну, он на секунду замер и внимательно посмотрел ей в глаза. После отложил в сторону документы и жестом пригласил её сесть напротив него.

— Анна Дмитриевна, здравствуйте! Проходите, присаживайтесь. Чем вам обязан?

Анна села на стул. В кабинете было душно, пахло табаком и старой мебелью. На стене висела карта Острогжского района, а на подоконнике стоял пыльный графин с водой, который судя по всему давно никто не трогал.

— Здравствуете, Николай Петрович. Я хотела с вами обсудить Галину Степановну.

Директор снял очки, достал платок из кармана и принялся протирать их.

— А что случилось с Галиной Степановной?

— Вы же её увольняете. Я хочу понять, почему.

— Ну, знаете, — он надел очки обратно и направил свой взгляд куда-то в угол кабинета, — всему свое время. Галина Степановна уже не молода. Ей уже трудно справляться с нагрузкой и дети сейчас сложны, и ситуация в целом. Сами же видите.

— На мой взгляд, она справляется на много лучше других, — сказала Анна. — Дети к ней тянутся. Она знает подход к каждому из них. Кроме неё, помощи мне не оказал здесь практически никто. Она всегда рядом и даже сама ночует ради детского покоя.

Директор поморщился, от слов Анны, словно ему было неприятно это слушать. Он взял в руки лист бумаги, повертел его и положил обратно.

— Ну вы же понимаете, что это стандартная её работа. Она её выполняет, да. Но есть же ещё штатное расписание, приказы. Я же не все тут решаю.

— А кто решает? Давайте я пойду туда?

Он поднял на неё глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на страх или испуг. Совсем на немного. После он обратно опустил глаза на стол.

— Анна Дмитриевна, давайте с вами на чистоту. Вы приехали недавно, человек тут новый. Вы не знаете всех обстоятельств и нюансов. Да, я понимаю, вы переживаете. Это очень похвально. Но есть вещи, в которые вам лучше не лезть.

— Я не пытаюсь никуда лезть, я лишь хочу, чтобы человек, который работает здесь лучше и больше всех, остался на своем месте.

— Поймите, сверху сказали, я подписал бумаги. — сказал он показывая пальцем вверх. — может возраст, а может и другие причины. Я не знаю. Честно.

Анна молча смотрела на него, и не верила ни единому его слову.

— Хорошо, я вас услышала. У меня есть ещё вопрос, он касается детей и то что приходит сейчас. Мне сказали, что раньше здесь уже такое происходило. Что вы об этом знаете?

Он поднял снова ручку со стола и начал вертеть её в пальцах.

— Я слышал давно какие-то разговоры, — сказал он неосторожно. — Но это же все слухи сами понимаете. Я в них никогда не верил и вам не советую. Детям просто нужен покой, а вы вместо этого расспрашиваете про какие-то старые истории.

— Я просто пытаюсь понять, с чем мы имеем дело Николай Петрович. Не более.

— А я пытаюсь делать свою работу, — он уперся ладонями в стол и посмотрел Анне прямо в глаза. — Что и вам советую.

Анна встала.

— Спасибо, что уделили время.

— Не за что. Если понадобится — заходите.

Анна покинула кабинет и чуть ли не хлопнула дверью, но вовремя вспомнила, что здесь находятся дети. Внутри всё кипело, в висках стучало. Он ничего не сказал конкретного. Но то, как он себя вел, как он смотрел. Это говорило о многом. Тем более для Анны это было сильным знаком, как для человека, который всю жизнь работает с людьми. Он что-то явно знал или догадывался. И сам же боится этого.

Анна решила сходить до столовой и попить кофе. Дети уже давно все позавтракали и разошлись по занятиям. Галина Степановна сидела в столовой одна, за столом персонала и пила чай. Увидев Анну, она приветливо кивнула. Анна попросила кофе у поварахи и с кружкой направилась к воспитательнице.

— Ну, что? Как поговорили?

— Никак, — Анна села рядом. — Он юлит. Я не верю ему. Рассказывает о приказе свыше и якобы не знает причин.

Галина Степановна глубоко вздохнула и помешала чай.

— Я же говорила, Анна Дмитриевна. Тут так всегда. Никто ничего не знает, ни кому ничего тут не нужно. А кто действительно хоть что-то знает, молчат и не лезут. И правильно делают. Себе дороже.

Анна подняла глаза на воспитательницу. Ей хотелось спросить: а вы? вы что-то знаете? Но внутри она не могла этого сделать. Галина Степановна для неё была единственным человеком, которому можно было здесь доверять. И она сильно не хотела рушить это доверие подозрениями.

День прошел спокойно, это наверное впервые с её приезда. После обеда в интернате наступил тихий час. Анна была у себя в спальне, разбирала заметки. Никита и Лена спали вместе с другими детьми, Анна решила, что детям не стоит нарушать стандартный распорядок дня. Так же она понимала, что им не стоит привыкать к ней и им стоит лучше оставаться в своей среде. Мир не остановится, если даже она отойдет на несколько шагов.

После тихого часа, она решила забрать детей и сходить с ними на прогулу. Двор встретил их прохладным ветром и низкими облаками. Дети игрались, бегали вокруг турника, собирали листья и показывали их Анне, как будто это были их драгоценности. Никита нашел в листьях желудь и начал дразнить Лену, на что та забрала у него желудь из рук и спрятала себе в карман. Анна смотрела на детей и у неё было чувство легкости. Но стоит посмотреть на интернат и вспомнить глаза Никиты в момент страха. Сразу же внутри все сжималось, а всё тело начинало пульсировать.

Анна заметила, как за углом интерната, кто-то передвигался, то в одну сторону, то другую, держа что-то в своих руках. Анна пригляделась, а это был слесарь Николай. Она сказала детям, что сейчас вернется, и пошла в сторону Михалыча.

— Добрый день, Николай Михайлович.

— Анна Дмитриевна, здравствуйте.

В руках у слесаря был топор, которым он рубил пеньки.

— Вы дрова заготавливаете?

— Да, угля мало привезли в прошлый раз. Пока что ещё раз не привозили, приходится, как то выкручиваться, чтобы дети не мерзли. А вы чего? Погулять вышли?

— Я с детками, они вон бегают, играют.

— Ааа, это надо. — он поправил шапку, которая ему налегла на глаза.

— Я к вам может попозже забегу. Если вы меня конечно впустите погреться.

— Впущу, куда я денусь-то. — заулыбался Михалыч.

— Тогда до скорого.

— Давайте.

Анна хотела поделиться со слесарем, то, как она поговорила с директором. Ей казалось, что он её поддержит. Она вернулась к ребятам. Дети пожаловались, на то что начали замерзать и Анна их сразу же отвела в интернат.

На улице медленно темнело. Анна отвела детей в игровую комнату, дала им бумагу и карандаши. Никита сразу сел за стол и принялся рисовать. Он схватил по привычке черный карандаш, покрутил его в пальцах, рассмотрел внимательнее и отложил. И выбрал другой. Он рисовал дом, дерево, а сверху над ними желтое солнце с длинными, как паучьи лапки, лучами. Анна смотрела на этот рисунок и внутри радовалась маленькой победе. Лена села рядом с Никитой. Долго ковырялась в карандашах и выбрала зеленый. Она долго рисовала, высунув кончик языка, стараясь вывести каждую линию. Она рисовала птицу, которая сидела на ветке.

Наступил вечер. Анна сводила детей в столовую на ужин и после отвела детей в свою спальню. Она не хотела оставлять их одних, пока была ещё возможность их забирать. Они посидели, попили ещё чай, Анна прочитала детям сказку и она заснули. Никита уснул моментально, а Лена прижалась к нему спиной и почти сразу закрыла глаза. Анна посидела рядом с ними, наблюдая, как они спят. Потом откинулась в кресле и листала свой блокнот. Перечитывала записи, смотрела, что она могла упустить. Глаза внимательно бегали по её врачуному подчерку, пока буквы не начали расплываться. Она не заметила, как заснула.

Темнота была очень плотной. Анна стояла внутри этого мрака и не могла увидеть даже собственного тела. Воздух пах сырой землей и чем-то странным, больше похоже на протухшее мясо. Она сделала шаг и под ногой что-то чавкнуло. Женщина наклонилась и попробовала рукой, это была сырая земля. Звук от шага был глухой, будто она находилась в каком-то закрытом помещении. Она немного попятилась и упёрлась спиной в стену. Камень был грубым и неотесанным. Жутко холодным и скользким от влаги.

Немного привыкнув к темноте, она начала видеть силуэты. Это была комната. Она медленно начала передвигаться по ней и заметила вдалеке свет. Когда она подошла ближе она увидела, что свет исходил из лампочки, которая висела на одном проводе под потолком. Света едва хватало, чтобы можно было хоть, что-то разглядеть. Она увидела, как в конце комнаты, странные фигуры которые вырисовывались во мраке. То, что она увидела заставило её перестать дышать. Она рукой закрыла рот и попятилась назад.

Они лежали друг на друге. Женщины, мужчины, дети. Тела свалены в груды, как будто это дрова. Руки и ноги переплелись, головы лежали на чужих животах, а чьи-то пальцы вжимались в край одежды соседа. Одежда была старой, довоенной. Местами порванная и очень грязная. Одна женщина лежала лицом вверх, и её платье задралось, обнажая худые икры в грубых чулках. Анна пыталась отвести взгляд, но не могла. Кровь была везде. Местами кровь

была на каменных стенах, где она уже запеклась. Пол под трупами был ею залит уже смешавшись с грязью. Жужжащий звук лампы только накалял обстановку. Свет хотелось выключить.

Один из мертвых открыл глаза. Зрачков не было, были только белки. Белые, матовые, как вареное яйцо. Он смотрел прямо на Анну. Она начала пятиться, но споткнулась на что-то и упала. Ладони погрузились в холодную грязь. В какой-то момент лампочка заморгала. Она попыталась встать. А когда встала, лампочка продолжила светить, как обычно. Анна вернула свое внимание к трупам. Но никто из них больше не лежал. Все стояли и смотрели на неё. У кого-то прострелена голова, у кого то прострелена грудь. Они стояли и не шевелились. Как живые. Анна боялась моргать, сердце сжалось так, как никогда прежде. Страх пронизывал её волнами от головы до пяток. Дыхание не могло восстановиться. Она то задыхалась, то переставала дышать на десятки секунд. Время будто остановилось. Анна попыталась ещё сделать шаг назад, но не спеша, нащупывая землю под ногами. Как только она сделала шаг, все трупы хором закричали. Крик был не человеческий. Он шёл не из глоток, а будто даже стены кричали. Он разрывал воздух и дробил его мелкие кусочки. "За что?!" — кричали они. "Мы не виноваты!". Голоса были разные, женские, мужские, детские. Они накладывались друг на друга. Крик проникал сквозь кожу и кости. У кого то изо рта полилась кровь, у кого то из носа и глаз.

Анна резко проснулась. Она дернулась на кресле, как от разряда. Сердце не переставало биться. Тело бросало в жар, а потом резко становилось холодно. Вещи, в которых она уснула были мокрыми от пота. В комнате висела тишина. Дети спокойно спали. Анна села на раскладушку и обхватила колени руками, медленно покачиваясь вперед-назад. Она помнила всё, она помнит каждое лицо, кровь, грязь, стены. Голоса застряли где-то в голове и это ощущение невозможно было выкинуть оттуда. Противный запах протухшего мяса ещё стоял в носу. Но Анна понимала. Что это просто сон. Сон который родился из-за стресса и усталости. От переживаний и того, что здесь происходит. И что здесь когд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.